

The background of the cover is a detailed illustration. On the left, a woman with long, flowing, curly blonde hair is depicted. She is wearing a light blue, long-sleeved dress with a white lace collar and cuffs, and a wide brown belt with a gold buckle. She has a serene expression and is looking slightly to the right. On the right, a man with short, wavy brown hair and a light beard is shown. He is wearing a dark, possibly black, leather jacket with gold embroidery on the shoulders and a red sash with a large, ornate gold buckle. He has a serious expression and is looking directly at the viewer. In the background, there is a stone building with a blue onion dome, typical of Russian Orthodox architecture, set against a soft, hazy landscape with trees and a cloudy sky.

Лариса
Шубникова

Перстенёк с бирюзой

Лариса Шубникова

Перстенёк с бирюзой

<https://litres.ru/74345418>

Аннотация

Осиротевшая боярышня Анастасия Карпова попадает приживалкой в дом к богатому боярину Вадиму Норову. Искренняя и добрая девушка вызывает интерес нелюдимого хозяина, однако, его внимание становится причиной крушения надежд Насти. Любовь нельзя купить, но заплатить за нее придется. Что отдаст Вадим за любовь боярышни, и примет ли она его дар?

Обложку создал сам автор

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	41
Глава 5	48
Глава 6	55
Глава 7	68
Глава 8	80
Глава 9	91
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1

– Пошла! Пошла, родимая! – Тощий дядька нахлестывал лошаденку. – Ваньша, ступай, выведи!

Парнишка в мохнатой шапке проворно соскочил с соседнего возка и метнулся помочь животине: та послушалась, и, угнув шею, потянула свою поклажу – сундуки, мешки и людишек.

И не сказать, что груз велик – баба, да девка, да пара сундуков, да мешки с мягкой рухлядью – но в распутицу и такое тяжело, иной раз неподъемно. По ранней весне да по лесной дороге – завсегда трудно. Тут и грязи, и снега рыхлого в достатке, а промеж того и крупчатой наледи под полозьями.

Хочешь, не хочешь, а ехать надо. Вот и шел последний перед теплом обоз в пяток возков, шел тяжело, неторопко: лошаденки упирались, люди кутались в одежды, чтоб не зябнуть по лесной сырости.

– Ваньша, ты иди на задок, – щербатая тётка, что сидела на самом краю соседнего возка, манила парнишонка. – Она, кожух на себя кинь, простынешь. Видал зима-то? Лютая, весну не пускает.

– Вот дурья башка, – хохотнул незлобливо тощий возница. – Была б теплая, куда б ты уехала? Потонули в грязи и делов-то.

– Ты не потонешь, – отбрехивалась лениво бабёнка. – Чай,

такое-то не тонет.

– Вона как, – хохотал тощий. – И куда ж такая языкастая едет? Кому докука в дом?

– Брехун, – баба хмыкнула. – К сыну еду. Прошлым месяцем женка его опросталась четвертым, вот и позвали в подмогу. Он в Сурганово своим домком живет. И надел немалый, и от Порубежного далече.

– Что далече, это хорошо, – дядька оправил худой пояс на зипунке. – Место тяжкое. А ведь и там людишки живут.

– А почему тяжкое, дяденька? – подала голос пригожая молодая девица.

– А потому, красавица, – тощий обернулся и заулыбался, глядя на милаху. – В Порубежном всякий день страшно. То из-за реки напасть, то сбоку из Гольяново. В крепости почитай все вояки. И бабы, и старики, и детишки. О мужиках и разговору нет, голову откусят и прощай белый свет, медовуха и блинки ноздрястые. Ты, никак, в Порубежное? Почему? Иных мест мало?

– Ты вожжи-то крепче держи, болтун, – осадил говоруна баба со стылым взором. – Не пугай да и напраслину не возводи. В Порубежное мы к боярину Норову.

– Да ну-у-у, – мужик сдвинул шапку со лба и смотрел малость испуганно. – К боярину Вадиму? Силён мужик, слов нет. Уж сколь годков ворога кромсает. Покамест далее Порубежного никто не прошмыгнул. Знакомец он тебе? Или родня?

– И не так, и не сяк, – баба отвернулась, потуже стянув концы теплого платка. – Не видала его досель, а вот позвал к себе на житье, в дому хозяйствовать.

– О как, – мужик удивился. – Взял и позвал? Боярин Вадим? У него в крепостице случайного люда нет. Все наперечет и всех по имени.

– Чего прилип, смола? – злая баба отругивалась. – Мужа моего покойного он знал. По боярскому сословию знакомство водили на подворье у князя Бориса.

– Дяденька, а какой он, боярин-то? – девица подалась ближе к тощему, выпрашивала. – Старый? Лютый? В Шорохово говорили, что недобрый.

– Как и обсказать не знаю, – вздохнул мужик. – Молодой, а как старик. Глазюки стылые, лик мертвый. Одна только и видал, как он улыбкой ощерился, так тому уж года три, не меньше.

– Настасья, сядь ровно, – одернула баба. – Языком не мели, космы прибери, растрёпа.

– Сейчас, тётенька, сейчас, – Настя принялась убирать кудряшки, что так не ко времени повылезали из-под теплого платка.

– Стало быть, племянницу в Порубежное везешь? Не жаль девку? – завздыхал тощий.

– И чего ты выпрашиваешь? Вон на дорогу гляди, чай, не сухота, увязнем, – ворчала злая тётка.

– Так всю дорогу и молчать? Глянь, вокруг грязи-то, ужель

на такое любоваться? А тут и людей послушать, и самому рассказать. Чего злобишься? Ай обидел кто? – мужик тоскливо глядел на ворчунью.

Та никакого ответа не дала, нахохлилась, а вот Настя обняла злую тётку, прижалась головушкой к ее плечу и зашептала тихонько:

– Тётенька Ульяна, не печалься. Ужо мы с тобой не пропадем, управимся. Я подмогой буду, веришь? Все сделаю, как ты скажешь.

– Молчи уж, помогайщица, – завздохала Ульяна. – Как еще сложится... Слыхала, что про Норова говорят? Суровенький. Такому, поди, и не угодишь. Ты вот что, Настасья, помалкивай, где надо стерпи, язык за зубами удержи. Иного места для житья у нас нет. Не придемся ко двору, тяжело нам будет.

– Тётенька, так боярин сам позвал к нему жить, неужто выгонит? – Настя брови изогнула горестно, вздохнула тяжело.

– А кто его знает? Вожжа под хвост попадет, и выкинет. Ну да ладно, чего ныть-то? Чай, не впервой с большим хозяйством управляться. Тут я любому нос утру. А ты, Настька, при мне неотлучно до той поры, пока не обживемся, не принюхаемся. Работу свою делай и воздастся.

– Чего шепчетесь? – тощий никак не унимался, крутил башкой. – Ты вот не обижайся, но сказала, что боярского сословия, а сама в приживалки подалась. Как это?

– Ты кто есть, чтоб меня выпрашивать? Умойся допре-

жде, пёс шелудивый, с боярыней говоришь, – тетка Ульяна сказала тихо, но так, что тощий вжал голову в плечи и отвернулся поскорее.

Подлеток Ваньша услышал и вовсе рот открыл, захлопал глазами, что твой теля, а вот щербатая баба не испугалась:

– А и непростая ты, – изогнулась с соседнего возка оглядеть тетку Ульяну. – Видать, вправду, боярыня. Повадку-то не скроешь. Споетесь в Норовым. А вот девка твоя дюже улыбчивая, холишь ее?

– Твоя какая печаль? – Ульяна смотрела горделиво. – Хочу холю, хочу хаю, – и отворотилась.

Никто и слова поперек не сказал, а вот Настя тихонько улыбнулась, укрывшись меховым воротом простой шубейки.

Возок покачивался на ухабах, лошаденка месила льдистую жижу копытами, людишки помалкивали. И то сказать, вокруг-то не радостно: ельник темный после зимы, набрякший влагой, клонил ветки тяжкие, снежная крупка летела с неба, стучала по головам и падала в телегу мелкими льдинами. Снег – грязный, унылый – с хрустом ложился под полозья и делал дорогу муторной. Народец кукожился, кутался в одежды: изморозь оседала на шапках и зипунах; заметало людишек, будто к земле гнуло. Конца и края не видно тому пути, все сплошь по темной и разбитой дороге.

– Боярыня, – подал голос тощий, – вон на просвет гляди. Не вас ли встречают? Вои конные с возком. Аккурат на повороте к Порубежному.

– Доедем, узнаем. Чего гадать-то? – ответила Ульяна тихо, запахнула потуже полы шубы и оправила теплый плат. – Настасья, добрались никак. Кудряхи-то подбери, сколь раз говорить.

А Насте не до кудрях, ни до тётки сердитой. Подалась вперед на возке, прищурилась, все углядеть хотела – кто ж встречает? Какие такие люди? Едва на месте сидела, чуть не подсакивала от любопытства.

– Уймись, – осадила тётка Настасью. – Не простая какая, а боярышня. Уряд забыла?

– Точно, из Порубежного, – тощий кивнул и поправил шапку. – Вижу десятника* тамошнего, Бориску Сумятина.

Суть да дело, доехали до небольшого отряда на повороте.

– Сто-и-и-и, – протянул большущий вой в темном доспехе. – Боярыня Суворова тут ли?

– Здесь, – Ульяна сошла с возка и встала перед конным. – Кто спрашивает?

Конный спешился неторопливо, поклонился с ленцой:

– Десятник Сумятин от боярина Норова. Тебя, боярыня, встретить и на подворье свезти. Поклажа есть ли?

– Сундуки и мешки, – Ульяна указала на скарб. – До Порубежного далече?

– До тмени долетим, кони справные, – Сумятин кивнул двум ратным и те проворно соскочили с седел, взялись носить поклажу с возка обозного в другой – богатый и крепкий.

Настасья смотрела во все глаза! Шутка ли, впервой увидела порубежных воев при мечях.

– Что встала, растяпа? – шипела Ульяна. – Ступай в возок, глаза опусти, бесстыдница.

Настя и пошла, а куда деваться?

– Давай пособлю, красавица, – молодой вой протянул руку да улыбнулся милахе.

– Дай тебе господь, – улыбнулась и Настя.

– Ох ты, ослепила, – парень замер, заморгал. – Откуда безлозубая такая?

Девушка уж и вовсе собралась рассказать, приветить красивого, но встряла тётка, да не ко времени, некстати:

– С боярышней говоришь. Рук не тяни, – Ульяна вмиг остудила и горячий взор воя, и улыбку.

Возок – широкий, укрытый шкурами – тронулся легко. Крепкий конь тянул справно, вои шли ходко, не отставали, оглядываясь по сторонам.

– Встретил, – радовалась Ульяна. – Не позабыл. Ничего, Настька, не пропадем. Теперь ужо поглядывай, ушами не хлопай. Слушай много, говори мало. Авось приживемся в новом дому.

А Насте опять не до тёткиного учения! Лес-то густой расступился, река показалась широченная вся в сером льду. На пригорке увидела Настасья крепость, да такую, какой еще не встречала: частокол высокий, заборола* крепкие.

– Тётенька, нам туда, нет ли? – прошептала девица.

– А я знаю? – Ульяна и сама поглядывала с опаской на крепостицу. – Впервой тут-то, – потом уж обернулась к десятнику: – Долго нас выжидали?

– Дня два стерегли. Боярин велел встретить, сам-то на дальней заставе*, завтра обещался быть в Порубежном. Мне наказал привезти и поселить в хоромах. Ждут тебя, боярышня, – Сумятин подкрутил долгий ус и поглядел на Настю: – А это дочь твоя?

– Племянница, сирота, – тётка бровь изогнула, указала десятнику место его, и то, что неурядно с боярами в разговоры пускаться, когда не спрашивают.

– Настасья, дочь боярина Петра Карпова, – Настя улыбнулась крепкому вою, голову склонила, привечая. – При боярыне Ульяне, ее добротой жива-здоровая.

Десятник замер, а потом и заулыбался в ответ:

– Таких белозубых еще не видал. Здрава будь, боярышня, на долгие лета, – склонил голову в поклоне, да не простым, а сердечном.

– И ты здрав будь, вой, – Настя и сама головой кивнула, а уж потом получила тычок в бок от сердитой тётки.

– Скажи, а поля все Норовские? – Ульяна принялась пытаться десятника.

– Да, – сказал вой и отвернулся. – Репища у реки и за горужкой.

– А сколь людей в крепости? – тётка не унималась.

– Дворы у ратной сотни, да с семьями. Кто на заставах

дозор несет, кто у засеки*. В Порубежном-то редко, когда вся сотня стоит.

– Хозяйство немалое, – Ульяна задумалась и умолкла.

А вот Насте все интересно!

– А как тебя по батюшке величать? – улыбалась, глядя десятника.

– Так...эта...Фролов сын я, – вой оробел, видно, не всякий день об таком говорил.

– Борис Фролыч, а торг есть ли в крепости?

– Два ряда, пяток лотков, смех, а не торжище. Лады мимо идут, откуп дают, иной раз торгуют прямо на подводы. У крепости какой же торг, боярышня? Налетят и пожгут. Тут только мыт брать, сваливать товарец на возки и вести до Шорохово, а то и в княжье городище.

– А лады? Лады-то откуда? – Настя и вовсе запрыгала в возке, любопытствуя.

– Есть от северян*, – вой наморщил лоб, вспоминая. – Царьгородцы* бывают. Соседи ходят. Прошлым годом ляхи* проходили высокой водой. Ох и чудные. Все выпытывали и на свитках царапали.

– Борис Фролыч, а за какой надобностью ляхи шли? – Настя и вовсе подалась к вою, едва из возка не вывалилась.

– Настасья, – прошипела тётка, – а ну сядь. Не позорься.

Десятник нахмурился на тетнины слова, а потом едва приметно улыбнулся Насте. Девушка низко опустила голову и уж более не говорила до самых ворот крепости.

Уже под заборами Настасья вновь ожила и закрутила головой! Дома-то крепкие, проулки узенькие, а дороги устланы струганным бревном: ни грязи, ни земляного месива. Одна беда – уж слишком высоки заборы и малы оконца в домишках. Будто схоронились людишки да поджидали беды.

– Порубежное, – промолвил тихо десятник. – Крепость. Ты, боярышня, чай и не видала такого в князем городище.

– Не видала, Борис Фролыч. А чего ж проулки-то малые? Не дороги, щели, – печалилась боярышня.

– Иначе нельзя, Настасья Петровна, – десятник говорил охотно. – Людишки сами просились в городище, враг набегами измотал, пограбил, иных похолопил*. С окрестных весей прибыло немало, вот и расселились тесно. Да ты не робей, уж сколь лет Порубежное стоит, а никто его еще не пожёг и людишек не тронул. Боярин наш вой хваткий. Враг токмо задумался, а он уж и почуял. Раньше о таких говорили – Перунов вой.

– Это который огневой птицей осенён? И меч в Перуновом пламени опален? – Настя рот открыла, ответа ждала.

– Знаешь, однако, – хмыкнул вой. – На месте Порубежного раньше капище было. Идолища стояли в два человеческих роста. Потом их в лесок сволокли и врыли на Кривой поляне.

– О чем речь ведете, окаянные? – взвилась Ульяна. – Побойтесь бога!

Десятник нахмурился и отвернулся, а Настя умолкла и принялась смотреть по сторонам: и подворья заметила

небедные, и чудных девок в плотных запонах*, и бабу-лучницу. Вот на нее боярышня и уставилась, как на диво какое. Шутка-ли, баба, а оружная.

– Стой, – подал голос давешний парень. – Приехали.

Настя смотрела вокруг и дивилась: дом-то большой, крепчайший, овины кряжистые, сарайки приземистые. Забор новый, ворота широкие, двор просторный. И вроде справное все, а смотреть на эдакое богатство – тоскливо. Будто и хоромина, и забор, и даже овины уготовились к рати, поджидали врага и загодя давали отпор напасти. Два больших дуба на задке двора – черные по ранней весне – тянули ветки к небу, словно молились, ждали подмоги.

Возок остановился у крыльца, тётка Ульяна полезла выйти, за ней потянулась Настёна. Не успела ногу выставить на приступку, как подлетел молодой вой и руку протянул:

– Помогу, Настасья Петровна, – и улыбался, будто ждал чего.

– Ты, боярышня, его не слушай, – шепнул десятник, покручивая ус. – Лексей у нас дюже влюбчивый. Не успеешь оглянуться, как окрутит.

Настасья смеха не сдержала, одно отрадно – тётка того не заметила: уже шла по приступке к дородной бабе, что встречала гостей на пороге.

От автора:

Десятник - ратник, у которого под началом десять воинов (воев)

Заборол- бруствер в древних крепостных оградах в городах Руси (с XI века)

Застава- сторожевой (сторóжа) или наблюдательный укреплённый пункт отряда служивых людей с начальником

Засака - это старинное оборонительное сооружение из надрубленных деревьев. Их располагали рядами или крест-накрест и укладывали кронами в сторону противника

Северяне, царьгородцы, ляхи - викинги, византийцы, поляки

Похлопили- сделали холопами (рабами)

Запона- большой кусок ткани с вырезом посередине. Надевали его через голову поверх рубахи.

Глава 2

На широком крыльце встречала гостей баба в расшитом зипуне. Стояла прямехонько головы не клонила, глазами зло высверкивала, но улыбалась, будто поднесли ей пряник на золотом блюде:

– Здрава будь, боярыня, – едва кивнула. – Давно уже поджидаем. Боярин Вадим велел поселить и обиходить. Ступайте в дом, передохните. А тем временем баньку истопим, чай, с дороги употели. Да и одежки грязные, – наглая скривилась, мол, приехали, приживалки.

В тот миг Настасья и разумела – кто б ни была эта баба, в дому она не задержится. Если кто и мог одолеть злоязыкую, так только Ульяна. Не помнила Настя, чтоб тётка спускала такое, да еще и прилюдно. А народцу-то у крыльца прибыло: с пяток девок жались к углу хоромины, смотрели жадно на приживалок. Вои, что спешили, тоже поглядывали не без интереса.

– Ты чьих будешь, хозяйюшка? – Ульяна едва не пропела: голос тихий, медовый, а взгляд льдистый.

– Дарья, Серафимова дочь. У боярина Вадима хозяйкой в дому уж три месяца, – подбоченилась баба, приосанилась.

– Ну коли так, хозяйка, укажи снести нашу поклажу в дом. Вели одежки сушить, чистое исподнее достать и взвару теплого дать, а уж баню после. Да девку к нам приставь, не са-

мим же обживаться, – Ульяна улыбалась, будто псица щерилась. – Дай тебе бог за теплый привет.

Дарья обомлела и лица не удержала: насупилась, едва руки в боки не уперла:

– Вот сколь землю топчу, не видала еще, чтоб в чужом дому так-то указывали.

– Век живи, век учись, хозяйюшка, – Ульяна взошла по приступке и поравнялась с Дарьей. – Ступай, милая, ступай. Чего ж бездельем маяться? – и пошла в хоромы, будто к себе домой.

Настя двинулась за тёткой Ульяной, все удерживала себя, чтоб не обернуться, не глянуть на хозяйку. Уж очень любопытно было, хлопает та ресницами иль нет? Злобится иль потешается?

– Тётенка, а куда идти? – Настя замялась в просторных сенях. – Батюшки, дом-то какой...

И вправду, дом велик да богат: двери распашные, гридницы просторные, ставни широченные. Кругом сундуки да лавки – новые и крепкие.

– Не торопись, Настька, сей миг и узнаем куда, – Ульяна злобно улыбалась, глядя на двери в сени. – Сейчас очухается хозяйка наша бедовая да девку пришлет.

И ведь вышла правой тётка Ульяна! Через малый миг в сенях показалась девица – приземистая, плечистая – подошла и поклонилась:

– Дарья Серафимовна велела при вас быть. Зинка я, си-

рота.

– Как? – Ульяна осмотрела девку с ног до головы. – Зинка? Чего ж себя принижаешь, козье имя на себя приклады-ваешь? Зинаида ты, работница у боярина. Как прибилась на подворье?

– Так...эта... – девка, по всему видно, изумилась таким речам, – батька мой воем был на ближней заставе. Порубили его ратники князя Вячеслава. А через седмицу и домок наш погорел. Боярин Вадим меня сюда взял, не кинул бедовать. Боярыня, ты не думай, я рукастая, – Зина заторопилась. – Все могу. Промеж того и лучница, тятенька сам пестовал, а он ратник справный был. И отец его, и дед...

– Лучница, стало быть? – Ульяна виду не подавала, что удивилась. – Ну добро, ступай, показывай куда нам.

– А вот туточки, – девка заторопилась, двинулась по селям, свернула на бабью половину*, – Ложница большая. Я сама вечер убирала и шкуры новые на лавки кидала. Вот, боярыня, вот тут.

Настя обомлела, когда вошла в ложню. А и было с чего! Лавки широкие, окошки большие, ставенки резные. Пол выскоблен чистёхонько, а стол – и того лучше. В красном углу икона царьгородского письма и шитый рушник: Настасья заметила кривые стежки и улыбнулась: сама-то вышивать мастерица.

– Зина, говоришь, ты чистила ложницу? – Ульяна придиричиво оглядела пол, лавки и даже бревенчатые стены. – Мо-

лодец, справно. Скажи, а в дому кто метёт?

– Так кого Дарья Серафимовна поκληчет, тот и делает. Утресь Анютка Ружниковых хлопотала.

– А кто стряпает? – Ульяна спустила с головы тёплый плат, скинула шубейку на лавку.

– Тётка Полина. Боярин Вадим ее с собой привез, когда взял Порубежное под свою руку, – Зинка суежилась, тянула с Насти шубку.

– Ой, Зина, рукав оторвёшь, – хохотала Настасья. – Сама я, ты не хлопочи. Вот бы тёплого испить. Взвару или еще чего?

– Принесу! – девка бросилась к дверям. – Мигом обернись!

– Проворная, старательная, а сноровки нет, – Ульяна глядела в спину убежавшей Зиной. – Ничего, выпестую, будет наилучшей девкой на подворье. Вот бы узнать, чем она насолила Дарье.

– Тётенька, а чего вдруг насолила? – Настя пошла к ставенкам и распахнула их пошире.

– Ближницу свою она бы к приживалкам не пустила. За Зинкой пригляжу, человек новый, что у нее на уме неведомо, – Ульяна устало опустилась на лавку, прижалась головой к бревенчатой стенке.

Настасья оглянулась на тётку да вздохнула тихонько. С Ульяной жизнь непростая: суровенькая она, неласковая. Иной раз казалось боярышне, что та ее недолюбливает, а то

и вовсе с трудом терпит возле себя. Бывало, примечала теплый Ульянин взгляд – тоскливый такой, жалеющий. Но тем все и кончалось: тётка близко к себе не подпускала, не голубила, но боярышню пестовала, следила и за одежкой, и за повадкой.

– Взвару пить не станем, еще нашепчут, – Ульяна хлопнула себя ладонями по коленям. – Ну чего ж так-то сидеть? Собирай исподнее, в баню пойдем. Зину с собой не пустим, еще сглазит чужих-то. Сначала я в парную, а ты постережешь. А уж потом сама сбегает. Ну чего, чего встала столбом? Торопись!

Настя проворно прихватила плат из сундука, увязала в него чистое, потянулась к своей шубейке, но раздумала и подала одежды тётке. Потом накинула теплое и пошла за Ульяной по просторным сеням.

Подворье встретило неласково: косые взгляды девок, рабочих, что суетились по хозяйству и льдистый снежок. Настя сжалась, запахнула полы одежды и опустила голову пониже, только потом и спохватилась, что плат на волосы не накинула.

– Ой, мамоньки, откуда такие кудряхи-то? – Шептала одна деваху другой, стоя за углом хоромины. – Глянь, Палашка, не коса, а шкура баранья.

– Помолчи, – отшептывалась другая. – Зависть точит? Твои три волосины и ейный сноп. Вона как блещут, аж без солнца слепят.

У ворот увидела Настя знакомого своего, десятника Бориса, тот поклонился и едва приметно улыбнулся, а боярышня – в ответ. Из-за угла хоромины показался влюбчивый Алексей, просиял, глядя на Настю, дернул с головы шапку и прижал к груди, мол, рад тебе.

— Настасья, лясы точишь? — ворчала Ульяна. — Только приехала и позорить себя принялась? Ступай уж, бесстыжая, — тётка пнула боярышню в спину. — А вон и Зинка наша бежит, раскрылетилась.

— Куда ж вы? — запыхавшаяся девка глаза пучила. — Я взварау принесла, остынет.

– После, – махнула рукой Ульяна. – Веди мыться.

А та что, повела. Вслед за ними двинулась и Настя, старательно отводя взгляд от красивого Лексея, что так и стоял без шапки, так и высверкивал взором на боярышню.

Баня – душистая, жаркая – приняла хорошо: парок легкий, водичка прозрачная. Настя с Ульяной попарились, согрелись и уж потом, надев чистое, расчесав косы, быстро ушли в ложницу. Там поели сторожко то, что притащила Зинка, а по глубокой темени, после молитвы улеглись на широкие лавки под теплые шкуры.

Настасья все вертелась, уснуть не могла. Шутка ли, сколь всего повидала, сколь разговоров разговаривала. Как тут сну прийти, когда в голове от думок тесно? Да и тоска накатывала. Тяжко на новом-то месте, неприютно. Вспоминался домок прежний, маленькая ложница и образок в углу, котейка,

что любил спать рядом с боярышней, мурчал и бок согревал.

Молодость свое взяла, а как иначе: уснула боярышня, да крепко, сладко. Так бы и проспала хмурое, муторное утро, если бы не окрик тётки:

– Вставай, засоня, – Ульяна крепенько ухватила плечо Нasti и трясла почем зря. – Хозяин пожаловал.

– Ой... – боярышня подскочила, заметалась по светелке, не зная за что хвататься: то ли косы чесать, то ли одежды накидывать.

– Не суетись, обождем, – Ульяна стояла у окошка и смотрела на подворье через малую щель ставенки. – Сразу бежать и кланяться – только гневить боярина. Пусть передохнет с пути, взвару испьет, умоется. Там, глядишь, добрее будет. Ты, Настька, не наряжайся особо. Очелье попроще, летник нешитый.

– Тётенька, а если не по нраву придемся? По миру идти? – Настя опомнилась, накинула на рубаху старую запону и собралась на двор.

– Болтушка, – Ульяна и не сердилась, а будто вслух раздумывала. – Не нищие мы, так и знай. Ежели боярин Норов даст отворот поворот, осядем возле Тихоновой пустыни. Там и братия крепкие, и торг рядом. Малость накоплено у меня, не пропадем. Ты вон писать примешься за мзду малую, ну, а я найду дело. Там, глядишь, жениха сыщем. Боярского сословия тебе не видать, а купчину какого почище – можно. Ты девка справная, лицом пригожа. Не красавица, но мила

и кругла там, где надо. Косы вот... – тётка оглядела просто-волосую Настю, – как нарочно кто в кольца сворачивал.

Настасье только и осталось тяжело вздохнуть и опустить голову. Уж сколь годков над ней потешались за кудряхи-то. И вот что чудно – девки злобно, а парни – с огоньком во взоре. Боярышня хоть и молодая, а уж догадалась, что одни от зависти, а другие – от любования.

– Я на двор, тётенька. Кликнуть Зину?

– Ступай, кликни. И на глаза Норову не попадайся пока-мест.

По сеням Настя шла сторожко, все прислушивалась, не идет ли хозяин. Дошла до двери и выскочила на крылечко, вздохнула глубоко, приняла в себя сырой морозный дух ранней весны. По приступке сошла проворно, кинулась за угол хоромины и дальше до высокого забора.

У широкого овина на задке двора зачерпнула из тугобойной кадушки водицы и умылась радостно. Любила холодок на лице, видно с того и заулыбалась, и обнадежилась. Миг спустя услышала голос Зинки:

– Боярышня, что ж ты, – сокрушалась девка. – Я б метнулась и принесла водицы-то.

– Полно, Зина, я и сама не без рук, – улыбалась Настасья. – Ты вон тётеньке снеси, она обрадуется. Ох, а чего ж зипун на тебе продранный?

– Вечор на подворье опять серый прибежал, – Зинка глаза выпучила и подалась к боярышне. – Пёс тут бродит, Дарья

говорит, что сатана в обличи. Я на двор побежала, а он из-за сарайки как прыгнул, да как за рукав меня ухватил. Насилу отмахалась, хорошо рядом палка лежала.

– Как это сатана? – Настя едва не рассмеялась. – А глаза какие? Как адский пламень?

– Не, – помотала головой Зинка, – серые, блестящие, вот такие здоровущие, – изогнула руки, мол, вот какие.

Настасья задумалась на малый миг, но не смолчала:

– Вранье, Зинушка, не слушай. Был бы сатана, так не кусал, а подманивал, душу твою в темень уводил. Сулил бы много и расплату просил непомерную. Пёс он и никто иной. Может, голодный, как мыслишь?

Зинка почесала бок, поразмыслила:

– А пёс его знает, – и прыснула смешком.

Настя и сама захохотала, а чего ж не посмеяться? Смех-то лучше, чем слезы, да и в такую хмарь от него теплее да уютнее.

– Ох, – Зинка провздыхалась, – боярышня, дай тебе бог, хоть душу отвела. Со мной тут и не говорит никто, токмо шпыняют. А ты вот... – девка оглядела Настю, – добрая. Стерегись, народец тут суровый, обидают. Ежели что, помогу, чем смогу. А и белые у тебя зубы, отродясь не видала такого. И ямки на щеках дюже отрадные. Вечор девки шептались, что косы у тебя, что шерсть овечья, так ты не слушай, то от зависти.

Настя по доброте душевной едва слезу не обронила, суну-

лась к девке обнять, а та и замерла. Потом уж опомнилась и сама обняла боярышню, хоть и не по уряду.

– Зинушка, ты ступай к тётеньке, она ждать-то не любит. А я скоренько.

– Пойду, а куда деваться? – улыбнулась девка и ушла.

Настя огляделась: высокий забор частоколом, сарайки плотно друг к дружке. Хоромина виделась горой, чудилась неприветливой. Муторно, темно и слезливо стало боярышне. Уж на что любила новые места, но тут совсем запечалилась.

– Как в темной клети. Грудь давит, дышать нечем, – прошептала тихонько. – Вот бы к Тихоновой пустыни, там рощи светлые и отец Илларион близехонько. Я б колечко продала... – Настя подняла руку и оглядела перстенок с тощей* бирюзой, то малое, что осталось ей в наследство. Едва не заплакала, так вдруг жалко стало колечка, ведь одна только память и была о батюшке с матушкой.

– Боярышня! Торопись, тебя тётка кличет, – Зина манила из-за угла.

– Иду, Зинушка, – Настасья сглотнула непрошенные слезы и пошла к хоромам.

Там взяла ее в оборот тётка Ульяна: сама одежды выбрала, сама косу сметала и надела очелье на гладкий белый лоб.

– Ну с богом, – Ульяна оправила шитый бабий плат и двинулась к гридне, куда уж позвали перед очи хозяина, боярина Вадима Норова.

От автора:

Бабья половина - чаще всего самая высокая часть дома. Бабью половину еще называют - терем. Мужчины старались не заходить туда. А в поздней феодальной эпохе Руси - в тереме не пускали никого, кроме мужа, отца или брата. Женщины жили практически в заточении. В книге автор допустила более свободные нравы по причине только зарождающегося неравенства между мужчинами и женщинами после Крещения Руси.

Тощая бирюза - просто маленький камешек. Худой, тощий, невзрачный.

Глава 3

Боярин Вадим, сидя на широкой лавке в гридне, слушал писаря своего, поглядывал в окно на хмурое небо. По ранней весне все вокруг виделось муторным, серым, с того и боярин смотрелся суровым: взгляд недобрый, губы поджаты, брови насуплены.

– Второго дня прошел последний обоз в Развалки, – писарь хрипло откашлялся. – Нынче будет конный отрядец до Лямина, боярин Пашков упредил, воя прислал. Дед Ефим говорит, что вскоре лёд на реке вскроется.

Вадим изогнул бровь и посмотрел на писаря:

– Никеша, ты еще у бабки-шептуньи пойдй вызнай, сколь тебе жить и какой лихоманки опасаться. Дед Ефим под носом у себя ничего не видит, а тут на тебе, вещать принялся.

– Так-то оно так, – почесал нос старый писарь. – Но дед говорит, коленки у него ноют, а то верный знак, что тепло грядет.

– Коленки, значит, – Вадим прислонился головой к стене, глаза прикрыл устало. – У меня вот уши ноют такое слушать. Добро б кто другой говорил, но ты, Никеша, ты-то чего?

– А чего я? – дедок склонился к малому столу, принялся перебирать свитки, связки берёсты* едва не опрокинул чернило*, писало* выронил. – И у меня коленки ноют. Старый я, сколь еще мне тут спину гнуть? Вон пальцы вспухли, глаза

не видят. Отпусти ты меня Христа ради.

– Опять завыл, – Вадим встал с лавки и двинулся к старику. – Сказано, работай. Ты, Никеша, вроде умный мужик, поживший, тебе ли не знать, что без дела быстрее отойдешь в мир иной. А ты еще за грехи свои не ответил, не расчелся.

– Тебе ли мои грехи считать? Ты что ль отпускать мне их собрался? – писарь голову поднял, глянул на боярина недобро. – Смотрю на тебя, Вадимка, и разумею, что возле тебя тошно. Ни слова доброго, ни жалости. Откуда ты такой явился? Бес послал меня мучить на старости лет?

Боярин не осердился, ответил спокойно:

– А то ты не знаешь откуда я? Пять зим тому сам меня встретил, за руку водил, обсказывал как тут живет и бедует. Ты, Никеша, один на всю округу писарь. Прикажешь мне самому буквицы выводить для князя? А кто ворога будет гнать? Дед Ефим? Или ты, болячка коленочная?

– Нового писца сыщи, – буркнул дедок. – Злата посули.

– Дураков-то нет в Порубежное ехать. Сколь ищу, знаешь?

– Сам научи, – Никеша чуть опомнился и смотрел теперь жалостливо. – Или мне кого дай в обучение. Наш отец Димитрий – поп дюже строгий. У него не наука, а казнь лютая. Не одна я тебе говорил, спихни ты его в Берестяное, пусть там народ страшает.

– Да ну, спихнуть? А кто вместо него сотню поднимет, если меня или полусотников посекут*? Ты воев на рать водил? А он – да. Вот то-то же, – Вадим и говорил-то беззлобно:

такие речи не впервой меж ним и писарем. – И где боярыня Ульяна? Приветить не идет.

– Умная, вот и не идет, – ворчал старый. – Я б своей волей к тебе не потащился. Глянь на себя, Вадимка, ты ж нелюдимый стал. Молчишь, брови гнешь и говоришь только со мной. Для иных указы и взор изуверский. Последний раз на прошлую весну улыбку кинул Матрешке вдовой и все. Седалищем к коню прирос, мечи к рукам прилепил, вот и вся твоя жизнь. Только и радости, что злата стяжаешь. И на что оно тебе? Сундуки лопаются, закрома под потолок, а ты и кафтана нового ни разу не вздел.

– Не скули, Никеша, я завтра поутру на ближнюю заставу тронусь, тебе передышка, – Вадим обернулся к дверям, слышав легкие шаги по сеням.

В гридню вошла тётка средних лет, за ней показалась девица, годков семнадцати или около того. Вадим выпрямился и ухватился за старую воинскую опояску – крепкую, но потертую.

– Здрав будь, Вадим Алексеевич, – боярыня склонила голову, привечая.

– И тебе здравствовать, Ульяна Андреевна, – поклонился и Норов. – Хорошо ли приняли?

– Дай тебе бог, приняли хорошо, как в родном дому, – улыбнулась боярыня. – Твоей добротой не пошли по миру.

– Полно, об чем речь. Перед мужем твоим покойным я в долгу, так не ему, а тебе верну. Напрасно сразу не написала,

что бедуешь и по чужим домам живешь. В Порубежном для тебя всегда место сыщется. Живи, хозяйничай. Будет тяжело, без дела обитай, никто слова не скажет, – вроде и говорил боярин хорошее, а все будто с холодком, несердечно.

– Благодарствуй на добром слове, – Ульяна поклонилась урядно, боярского в себе не уронила. – Я аукнусь тебе, Вадим Алексеевич. Со мной вот сирота, дочка боярина Петра Карпова. Зовут Настасья. Ты уж не гони ее, при мне она лет с десяток.

Вадим мазнул взглядом по девице, но не удержался и взглянул вновь. Вроде не красавица, но и обычной не назовешь: брови темные, на щеках ямочки, сама ладная и гладкая. Плечи ровно держит, а голову клонит, как и положено боярышне. Очелье простенькое, а вот косы...

Боярин загляделся, да не на девицу, а на ухо ее; вот ведь чудо, прядка волосаяная над ним ровно лежала, а потом взяла, да и выскочила, да и завилась в кудряху. Вадим сморгнул прежде чем уразумел – волосы-то не живые, завиваются просто так, а не по хозяйской хотелке. Пока ресницами хлопал, над другим ухом такая же завитушка взвилась.

– Живите, – опомнился Норов. – Одной ложницы, должно быть, мало? Укажи Дарье-ключнице для боярышни свою выделить. Вот еще что, Ульяна Андревна, ты в послании указала, что в доме боярина Лопухина жила. А чего ж уехала? В князем городище веселее и легче.

– Занедужил боярин, – Ульяна говорила тихо, внятно. –

Слёг и своих узнавать перестал. Жена его, Людмила, порешила, что я не нужна более на хозяйстве.

Вадим слушал и разумел, что непростая перед ним баба. Не жалилась, слёз не лила, на долю свою не роптала, да и держалась получше многих тех, кто попадал в боярскую грядню: знал Норов, что его опасаются, сторонятся. Следом приметил льдистый и цепкий взгляд Ульяны, а потом углядел и руки ее, сложенные урядно и уверенно. Знал Норов, что только бывалые вои так спокойно стоят и так тихо дышат, готовясь к рати.

– В дому бываю наездами, – Вадим порешил, что и так уж много слов ненужных наговорил. – Надо, чтоб пригляд был. На подворье люблю тишину, на столе – щи густые, кашу, пироги рыбные иль грибные. По холоду взвар травяной, по теплу – квас. Пива в срок, медовуху. Много не попрошу, но что обсказал, изволь блюсти. Человек ты для меня новый, а потому не обессудь, но пока за тобой пригляжу. Не из неверия, а по осторожности. Разумеешь, Ульяна Андревна?

– Разумею, Вадим Алексеевич, – боярыня вздохнула легче и чуть приметно улыбнулась. – Иного и быть не может. Чужак в дому, без пригляда никак. Так что, ключи-то у хозяйки забирать?

Вадим прищурился, кивнул, а уж потом и высказал:

– Бабьих склок терпеть не стану. Дарье указ дам, а там уж твоя забота. Что, Ульяна Андревна, не много ли на тебя взвалил? Откажись, живи в хоромах безо всякого дела.

– Без дела сидеть непривычна. Сдую. – Только и молвила, но Норов поверил: повадку людскую знал хорошо.

– Добро, – кивнул. – Отказа ни в чем не будет. Денег ли, рухляди какой проси для себя смело. Ежели что, вот у Никифора спрашивай. Муж бывалый и мудрый.

– Благодарствуй за посул. Все уяснила, – Ульяна кивнула в ответ. – Донимать тебя, боярин, не стану.

Мига не прошло, как смелая тётка поклонилась и повернулась уйти, а вот Настасья задержалась, замаялась. Вадим глянул на боярышню и замер; девица глаза-то подняла и смотрела прямо на него, потом сморгнула раз, другой и кинулась за тёткой.

Вадим чуть головой потряс, словно очухался, и уж в дверях окликнул боярыню:

– Ульяна Андревна, а кто послание выводил на берёсте? Ты сама?

– Нет, – качнула головой боярыня. – Настасья писала. Сколь годков была в обучении у отца Иллариона. Знаю, что девице неурядно, но вот привязался к ней поп, ругал меня, что не пускаю науку постигать. Пишет боярышня, счет разумеет, говорит по-всякому. Настасья, обскажи сама.

– Цареградцев разумею, фрягов*, северян. И ответить могу, только вот фрягам с заминкой.

Говорила она тихо, чуть опустив голову, безо всякого хвастовства. Вадиму голос понравился: нежен, напевен. А помимо того еще и сама боярышня удивила: редким случаем

брались попы обучать грамоте, а уж тем паче девиц, а стало быть, непростая перед ним.

– Чему еще учил? – спросил просто так, ответа не ждал, но желал иного. Хотел еще раз поглядеть в глаза кудрявой Настасьи, не успел разобрать какого цвета – серого иль голубого? А, может, иного какого? Вдруг поблазнилась синева небесная?

– Рассказывал, как пращуры наши жили. Говорил, как идти к далеким землям, указывал где реки большие текут, где моря соленые, а где городища из камня, – Настасья залилась румянцем, голову опустила совсем низко.

Норов уж собрался ответить, но влезла Ульяна:

– Прости, боярин, заговорили тебя совсем, – дернула за рукав Настю. – Идем. Не докучай хозяину, – и повела боярышню за собой.

Вадим смотрел вослед неотрывно, а когда обе шагнули через порог, едва дугой не изогнулся, чтобы еще раз глянуть на кончик девичьей косы, что так чудно кучерявился.

– Слыхал, Вадим Алексеич? В иных местах попы и девок обучают, а у нас? – писарь хмыкнул глумливо. – Боярин, ты слышишь ли меня? Чего там увидал?

– Тебя попробуй не услышь, два дня кряхтеть будешь и злобой плевать, – Вадим отошел от дверей и встал возле писаря. – Ты вот с фрягами говорить можешь?

– Фряжская речь красивая, – Никифор задумался, подпер щеку рукой. – Помню, проходила ладья мимо нас, так там па-

рень пел, да ладно так, звонко. Боярышня Настасья так умеет, нет ли? Надо вызнать.

– Вызнай, – кивнул Вадим. – Только не заговори девицу до смерти. Я-то привычен, а она сомлеет.

– Э, нет, Вадимка, – писарь покачал головой. – Девчушка веселая, с интересом ко всему. Когда ты говоришь на заставу? Утресь? Вот и поболтаем с ней всласть.

– А я что, помеха? – Вадим взялся за свиток дорогой бумаги* с княжьей печатью.

– А то! Девка на тебя глаза поднять боялась. А вот на берёсты поглядывала, я уж было испугался, что шею свернет. Боярышня пригожая, светлая. Тяжко ей тут будет, пташке.

– Ты, Никеша, ступай в вещуны. Все наперед знаешь и угадываешь. Давай я тебя и деда Ефима в лесу поселю, гадать по коленкам станете. Забогатеешь. Людишки к тебе за советом пойдут, курьими яйцами платить станут и деньгу отдавать, – Вадим и сам не разумел, с чего вдруг осердился на слова о пташке. – С чего ей тяжело-то будет? Чай, не простая, боярского сословия, в моем доме на всем готовом.

– И чего я, старый дурень, с тобой разговоры разговариваю? Это как с поросём беседу вести, ты ему про душу, а он тебе про харчи хрюкает, – писарь махнул рукой на боярина и взялся за писало. – Кому писать-то? Дубровину? Чтоб прислал из Шорохова отрядец?

Вадим вмиг выкинул из головы и кудряхи, и пташку, и небесную синеву:

– Ему. Пиши, чтоб конных выслал. Река вскроется, заставы отрежет от Порубежного. Надо десятников собирать, отправлять к засеке полусотню. Пиши, Никеша, пиши.

Через малое время в гридню влезли десятники, и завелся привычный для ранней весны разговор: про реку, половодье, про заставы, что долгое время будут сами по себе. А еще про Порубежное, про людишек, которым придется обновлять и рвы крепостные*, и броды корягами заваливать*.

К полудню Норов объехал с ратными крепостицу, обсмотрел заборолу, велел поправить частокол, напугал кузнеца, что поставил тигель* свой близ подворья: не желал боярин пожара среди густо понатыканных домков. Не обошел вящей заботой и малый торг: изогнул бровь и тем шуганул с места двух ушлых мужиков, что принялись торговать последней мукой – гнилой и червивой.

Обратной дорогой ехал молча, едва поводьев из рук не выпустил. Все смотрел вокруг на смурных людишек, на грязный снег и высокие заборы, вспоминал писаря и его речи про пташку.

– Заноза ты, Никешка. Чем Порубежное плохо? Частоколы высокие, вои бывалые. Живи себе, никого не опасайся, – ворчал Вадим сам себе, поглядывая на подворье дядьки Захара – мужика вороватого, но смекалистого.

Только успел подумать о пройдошистом хозяине, так тот и сам вышел из домины:

– Здрав будь, – поклонился Захар.

— Где ж сенцом разжился, Захарка? — Норов по давешней привычке сразу приступил к делу, безо всяких досужих разговоров.

— А где разжился, там уж нету, — развел руками вороватый. — Боярин, за свою деньгу брал, ей-ей.

— Ей-ей, говоришь? — Вадим в лице не поменялся, всего лишь глянул в глаза Захара. — Третьего дня ближник мой видал возок у дальних схронов. Возок приметный, полозья широкие, не нашенские. Такой лишь у тебя имеется. Вот что, Захар, свези туда, где взял, а сам ко мне на подворье для задушевного разговора. И деньгу прихвати ту самую, которой за ворованное сено расчелся.

— Боярин...я... — Захарка малость посинел, плечми поник. — Не брал я.

— Само к тебе привалило? — Вадим тронул коня. — Захар, а, может, выпнуть тебя из Порубежного без семейства? Один по миру пойдешь, вот только далеко ли ушагаешь? В первой же веси чиркнут тебя по горлышку за жадность твою неумную. Чтoб не мотало по свету, хочешь я сам тебя? Голову-то быстро снесу, ты и не заметишь.

Захар рухнул на коленки прямо в талый грязный снег:

— Боярин, смилуйся, бес попутал.

— Сколь раз еще миловать? До темени на подворье явишься и примешь волю мою.

Норов не стал слушать, как голосил вороватый, и двинулся напрямик к дому. Спешился, хотел уж на крыльцо сту-

пить, но услышал девичий смех, да такой отрадный, светлый. И не так, чтоб любопытно было, но признал голос боярыш-ни Настасьи, потому и заглянул за угол хоромины, вызнать с чего хохот залиvistый.

На оструганной лавке под бревенчатой стеной домины сидели боярышня и девчонка-сирота, Норов припомнил, что зовут Зинкой. Обе шептались об чем-то своем, и по всему видно, что говорили глупое девичье.

– А ты что ж? – Настасья глаза округлила.

А Вадим наново замер. Нет, синева в глазах Настасьи боярину не поблазнилась, но то не небесное было, а с зеленцой. Норов очнулся и оглядел боярышню с ног до головы, приметил и перстенок с бирюзой – тощий, небогатый –, и старые сапожки на небольшой ноге, и шубейку, что поистрепалась, облезла на локтях и вороте.

Но более всего любопытничал боярин на кудряхи, те вы-ползали из-под простой шапочки с тонкой оторочкой заячье-го меха. Вадим застыл, разумея, что косы-то солнечные, как пшеничка. Кудри пушистые, занятные, и смотреть на них улыбочиво и потешно.

А меж тем девицы болтали, будто птахи щебетали:

– А я как закричу! Батюшка мой с лавки-то и сверзился, – смеялась плечистая Зинка.

Вслед за ней и боярышня захохотала, а Норов опять ды-шать забыл. Зубы у Насти белые, ямочки на щеках отрадные, да и смех ее летел по подворью, будто редкая райская птичка.

Не помнил Вадим, чтоб у его хором вот так-то веселились, почудилось, что солнце выглянуло из-за тугих жирных туч.

Норов голову к плечу склонил, глядя на боярышню, да и разумел сей миг – девчонка перед ним. Взор чистый, как у голубки, на гладком лбу нет складки горестной, а стало быть, в жизни своей недолгой не видела ни беды большой, ни обмана, да и сердце себе не тревожила, не рвала.

– Прости, Вадим Алексеевич, донимают тебя. – Голос Ульяны послышался за спиной. – Вмиг разгонию бездельниц.

Не успел Норов и слово молвить, как грозная боярыня накинулась на хохотушек:

– Ты, – Ульяна указала на Зину, – в светелку*. Скажи Дарье, я велела усадить тебя за урок* и до темени. И чтоб головы не поднимала. – Потом и Насте высказала: – А ты за мной.

Вадим двинулся к крыльцу, разумея, что достанется смешливой боярышне от тётки, но унимать сердитую не стал: в бабьи дела лезть зарекся.

Уже в гридне Вадим опомнился, обругал себя за мысли пустые. Глянул на сладко спящего на малом столе Никешу и затосковал. С чего тоска и сам бы себе не ответил, но сердце заныло, затрепыхалось и стукнуло о ребра, будто вырваться хотело.

– Пташка в клетке... – боярин сам себе сказал непонятное и разумел давешние слова старого писаря. – Ей бы, кудрявой, веселиться, по рощам бегать, песни петь, а она в крепости при тётке суровой. Не уйти, не продышаться.

Сказал, вспомнил себя пять зим тому назад, да понял – и он пташка в клетке. Одна разница – Настасью тётка за собой привела в Порубежное, а он сам сунулся по гордыне и жадности.

От автора:

Берёста - на Руси до воявления бумаги писали на выскобленной и расслоенной бересте. Вдавливали буквы.

Чернило - чернила. На Руси их делали из ягод или трав с добавлением ржавчины с железа. Это придавало чернилам коричневый цвет.

Писало - стилус. Им выдавливали буквы на бересте.

"Кто поднимет сотню"- Традиция участия российских священников в военных походах солдат и офицеров появилась много веков назад – фактически с появлением на Руси христианства. Оружия в руки они не брали, но при необходимости могли возглавить отряд и повести его в бой. Многие из церковнослужителей перед тем как принять сан были военными. В данном случае Вадим говорит, что местный поп Димитрий раньше был рантиком и не простым.

Фряги - итальянцы.

Дорогая бумага- на Руси долгое время бумагу покупали за границей. Чаще всего везли из Италии. Свое производство началось в 16 веке при Иаане Грозном.

Рвы крепостные- да, и в древней Руси вокруг крепостей рыли канавы, рвы.

Броды заваливать корягами- чтобы враг не смог пройти

Тигель - это ёмкость для нагрева, высушивания, сжигания, обжига или плавления различных материалов

Светёлка - самая светлая комната в доме. Выбиралась специально для женщин и их рукоделия, чтобы дольше было светло и можно было работать

Урок - женщинам давали определенное задание: шить, вязать, прясть и т.д. Это называлось уроком.

Глава 4

Настасья потирала ухо после тёткиной науки. Такое не впервой, но нынче обидно. Ведь только уселись с Зиной поболтать, вздохнуть, а тут на тебе – Ульяна.

Не за ухо горевала боярышня, а за девку добрую, что из-за нее сидела теперь в светелке и глаза шурила по темени. Знала Настя, что тётка урока не облегчит, а то и вовсе подкинет работы. Не любила Ульяна бездельников, не привечала и учила, как могла.

Со вздохом взялась Настёна за пяльцы и принялась выводить узор, затеянный еще в князем городище. А руки-то и не слушались, все норовили упасть на колени и замереть.

Настя и не противилась, уронила и канву, и иголку с нитью, прижалась головой к бревенчатой стене, глянула в окошко на тусклый свет и высокий забор: тоскливо, муторно, одиноко.

– Опять бездельничаешь? – в дверях показалась Ульяна. – Ступай, сыщи Дарью, пусть девку даст перенести поклажу. Боярин тебе ложницу выделил, вот там и будешь сидеть, коли работать не желаешь.

– Тётенька, отпусти Зину, то не ее вина, моя, – Настя просила, да горестно так.

– Вон как? – Ульяна прищурилась. – С чего бы? Не пущу, виновата. Наказание исполит, иным разом неповадно будет.

Настасья редким случаем шла поперек тёткиной воли: тех споров и было-то разочка два, много – три. Но нынче чуяла за собой правду, да и просила не за себя:

– Я велела со мной говорить, – Настя поднялась с лавки и выпрямилась, глядя в прищуренные глаза Ульяны. – Почто ее за меня? Мой указ был, с меня и спрос.

Тётка сложила руки на груди, голову к плечу склонила:

– Упёрлась? Было б из-за кого.

– Отпусти, – Настёна говорила тихо, тряский голос прятала и глаз не отводила: стучала кровь в висках, страх колкой изморозью бежал по спине, колени подгибались.

Ульяна глядела долгонько, молчала, а потом кивнула:

– Что ж, твое слово. Отпущу, а ты ответишь. Утресь боярин Вадим со двора тронется, так ты его гридню вычистишь. А когда вернется, самолично ему взвар носить станешь. Гордыню поумеришь. Взялась указы девкам давать, так сама прежде потрудись.

– Как скажешь, – Настасья чуть склонила голову. – Дозволь Зину мне в помощь, поклажу таскать.

– Ступай, сама ее заberi и сама укажи, что ей должно делать, – тётка отвернулась и ушла.

Настя улыбнулась,правила очелье и бегом в девичью! В сенях остановилась,взглянула на боярскую гридню, опасаясь встретить хозяина, что показался ей недобрым и заледелым. Пока выжидала, ухо наново загорелось. Пришлось тереть краснющее, унимать досадный зуд.

– За дело? – Голос за спиной – тихий, но страшный – заставил Настасью вскрикнуть.

Обернулась боярышня и напоролась на стылый взгляд боярина Вадима. Пока ресницами хлопала, пока думала, чем ответить, он смотрел на проклятое ухо и бровь изгибал.

– За безделье, – пролепетала и голову опустила.

– Кто ж поучал? Ужель сама боярыня Суворова расстаралась? – и вроде не сказал ничего дурного, а все одно – страшно.

Настя промолчала, не желая говорить об Ульяне скверного.

– Что ж в глаза не смотришь? Стыдишься? – боярин Вадим говорил степенно, но Настасье чудилось, что потешается.

Вздохнула боярышня и ответила, как сумела:

– Стыжусь, – голову подняла и взглянула прямо в глаза боярина. Тот прищурился и взора не отвел. На малый миг показалось Насте, что Норов вздумал улыбнуться.

– Чего стыдишься? Что присела на лавку и посмеялась всласть? Мое подворье справное, рабочих хватает. Никто не заставляет боярскую дочь гнуть спину с утра и до темени.

И снова Настя промолчала, не говорить же, что тётка не щадит, не рассказывать же, что отправила гридню чистить как простую чернавку.

– Что ж молчишь? Отвечай, коли спрашивают, – надавил голосом, подвинулся ближе.

– Вадим Алексеич, боярышня я лишь по рождению. Ни кола, ни двора. Приживалка. Твоей милостью и сыта, и обогрета. Так чем отплатить тебе? Только работой. А я вот... – Настя развела руками, мол, оплошала.

– А я расчета не просил, – Норов чуть насупился.

Настя попятилась, уж очень страшен был боярин: глаза студёные как тучи осенние, плечи широченные, кулаки пудовые. Пока ресницами хлопала, пока слова искала, Норов отступил:

– Ты с подворья-то выходила? В церкви лоб перекрестила? Крепость видала? На торгу была?

Настя и вовсе потерялась. Как ответить, если тётка не велела за ворота выходить?

– Утром ступай, погляди по сторонам, авось не будешь, как пташка в клетке, – сказал по-доброму, да так, что Настя замерла: откуда узнал, что тоскливо в дому, как угадал про клетку?

– Возьми с собой девку, с которой давеча хохотала. Она местная, укажет, – боярин уж было повернулся уйти, но остановился. – Новой ложницей довольна, нет ли?

Настя спохватилась бежать, ведь напрочь забыла, что шла Зину вызволять!

– Ой, – только и пискнула.

Боярин оглядел заполошную, чуть приметно улыбнулся:

– Брысь! – и присвистнул легонько, будто дитя малое подгонял.

Настя метнулась к дверям, но себя остановила, обернулась и поклонилась низко:

– Благодарствуй, боярин, – высказала и кинулась в девичью.

Дверь боярышня отворила так, что та об стену бухнула, всполошила Зину.

– Идем, Зинушка, – Настя поманила девицу. – Мне помогать станешь. Боярин у нас добрый, ложню мне выделил. А утром велел по крепостице гулять и тебя с собой взять. Рада ли?

– Какой? – Зинка глаза округлила. – Доброй? Это Норов-то? Ты, Настасья Петровна, дюже доверчивая. Боярин наш – вой по крови. Ему человека порешить, что нос утереть. Жалости никакой, тепла – и подавно. Откуль ты взяла, что доброй? Смешно же.

Настасья задумалась и крепенько. Еще о прошлом годе говорил ей отец Илларион, что вои непростые люди. Души губят – и свои, и чужие – хоть за правое дело, хоть за скверное. Мало кто из них совестью не мается, ведь нельзя спать аки дитё, когда кровь на руках. Но и иное сказывал, мол, не будь воев, смертей бы не убавилось, ибо живет в людях кровавое, толкает изводить друг друга. И ратники за всех берут грех на себя, обороняют, чужие души сберегают, а свои чернят.

– Откуда ж в нем жалости взяться? – Настя брови изогнула печально. – Его никто не жалеет. Вороги кругом.

Зинка ресницами захлопала, почесала бок:

– Ты боярышня, тебе видней. Но знай, от Норова пощады ждать не надобно. Он, может, не злой, токмо бездушный. Вот не знаю о тётке твоей, но не пустит она тебя за ворота. Уж дюже строгая.

И снова боярышня задумалась: Норова знала всего денек, а Зина с ним в одном городище жила, мало того – в одном дому.

– Ладно, Зинушка, чего ж сплетни разводить, идем одежды мои складывать.

И ведь пошли, а у двери ложни еще и захохотали. Девицы на то и девицы, чтоб не помнить долго дурного, а радоваться жизни молодой.

Всласть покопались в Настином сундуке, вынули все наряды, каких и было-то немного. Примерили и кольца височные, и сапожки тонкой кожи, подарок тёткин на прошедшие именины. Запону достали старенькую и снова посмеялись: там истерто, тут шов разошелся. Вытащили шапочку лисьего меха, да обчихались обе, облезла шапка, осыпалась рыжими волосинами на чистый пол.

– Небогатое у тебя приданое, Настасья Петровна, – Зинка смотрела жалостливо. – Я-то думала, что бояре живут понаряднее.

– Что есть, тому и рада, – Настя прибрала одежды в сундук. – Да и какая я боярышня, так звук пустой. Сирота без дома, без рода.

– Ой не скажи, – Зинка собирала мех с пола. – Боярскую

кровь издалече видать. Ты ж себя-то не видишь, а я вот она, смотрю. И стать у тебя ненашенская, и руки тонкие, и личико белое. Не склочная, добрая, жалостливая. Таких в крепости нет и отродясь не бывало. Тут не до ласки, не до жалости, разумеешь? Попрёт ворог, так тут не жалеть надобно, а бить покрепче.

Настасья вздохнула тяжко:

– Так не своей волей я сюда. Нужда заставила.

– Не горюй, люди везде живут. Приобвыкнешься, а там, глядишь, понравится, – Зина взяла небольшой сундук и поставила к стене, вслед за тем, развернула новую шкуру, уложила на лавку. Оправила половицу, прикрыла ставенки. – А по мне, так с тобой я вздохнула легче.

– Зинушка, так по моей вине тебя наказали.

– Так не побили же, не выгнали. Какое ж это наказание? То жизнь моя всегдашняя. Не горюй, вскоре тепло придет, в лес побегим. Знаешь сколь у нас ягод? А орехов? Может, отпустит тебя Ульяна Андревна?

Дверь ложни распахнулась, на порог ступила тётка Ульяна:

– Прибрали? – огляделась. – Добро. Настасья, собирайся, боярин вечерять позвал за один стол с ним.

– Сейчас, тётенька, я мигом, – заторопилась боярышня.

Глава 5

Вадим сидел за широким столом, глядел на гостей своих и жалел, что позвал вечерять вместе с ним. Разговоров долгих вести не умел, да и не любил. Боярыня Ульяна обсказывала по хозяйству, Норов кивал в ответ и молчал. Молчала и Настасья, склонив голову, глядя в мису с постными щами.

И не то, чтобы Вадим скучал, но досадовал, что боярышня молчит. Сам не знал, отчего хотел слушать кудрявую девочку, но ждал от нее хоть слова, хоть полслова.

– Как мыслишь, Вадим Алексеевич, счесть кули с мукой? Иль ты уж знаешь сколь? – Ульяна вытерла губы платочком.

– Вторым днем отправлю на местный торг работного. Дарья рушники заставляла вышивать, так девки целый сундук натворили. Пусть продаст хоть за малую деньгу, чего ж добру пропадать.

– Отправь, – кивнул Норов и глянул на Настю.

Та поднесла ложку ко рту и аккуратно прихватила снедь. Жевала тихонько, глаз не поднимала. Одна только и встрепенулась, когда вошел в двери рыжий кот и шмыгнул под лавку.

Вадим чуть повеселел, особо тогда, когда боярышня едва заметно повернулась и покосилась на животину. Видно, хотела разглядеть рыжего, а то и вовсе приголубить. Норов знал, что девицы к котам с лаской, вот с чего – не разумел.

То ли потому, что пушистые, то ли теплые.

— А ну кыш! — Ульяна прикрикнула на рыжего. — Пошел отсюда, шерстнатый! — а потом девке за дверь: — Аня, чего встала? Гони его! Блох натрясёт!

Пока рыжая девчонка гоняла рыжего кота, Вадим глядел на боярышню. Та за животину тревожилась: глаза распахнула широко, в ложку вцепилась так, что пальцы побелели. Норов же разумел, что глаза у Настасьи ровно такие же, как и бирюза на худом ее перстеньке.

— Гони его, — наставляла боярыня Ульяна. — Да ставни прикрой, стемнело. Скоро ко сну.

Кот с громким мявом кинулся в сени, а проворная девчонка пошла выполнять наказ боярыни, затворять ставенки.

Вадим потянулся за пирогом, но себя не удержал и нано-во взглянул на Настасью. Снедь-то уронил и все потому, что увидал во взоре боярышни тоску и испуг. Одна только воинская выдержка и спасла Вадима от позорища, а так бы вскочил и ринулся оборонять кудрявую не пойми от чего.

Про пирог Норов забыл, все следил на Настасьей, а та неотрывно смотрела на девку, что закрывала ставни. Боярин и сам почуял, будто хоронит кто в большой домине...

— Не закрывай, — промолвил грозно. — Отвори оконце малое, дышать нечем. — Потом обернулся к Насте и едва приметно подмигнул.

Та уставилась на Вадима, брови высоко изогнула, а миг спустя улыбнулась, да отрадно так, тепло. Вадим приосанил-

ся, а потом и одернул себя, высмеял за то, что принялся с девкой играть, да глупость свою выпячивать. А следом опять дурость учинил:

– Что ж с подворья не выходишь? Городище не по сердцу? – спросил у боярыни Ульяны.

– Так дел много. Утресь в церковь собиралась с Настасьей, и все на том. Чего ж так-то бродить? – тётка вроде как удивилась речам Вадима.

Норов покосился на Настю: та тяжело вздохнула, выпустил из рук ложу и запечалилась.

– Ульяна Андревна, завтра после службы отправь боярышню на подворье Шалых. Там у большухи* лук с резбой, надо разумать чьи буквы. Никифор не разобрал, так, может, Настасья Петровна справится? – врал и хитрил, зная, что Ульяна не отпустит девицу от себя запросто так без его наказа.

– Твоя воля, Вадим Алексеич, отпущу на малое время. Только негоже ей одной-то... – боярыня смотрела стыло, будто укоряла, еще и губы поджимала обиженно. – Я с ней не могу, дел невпроворот.

– Пусть девку возьмет, а опасаясь, так и ратного дам в провожатые. Эй, кто там есть?! – крикнул в открытые двери.

В гридню сей миг и вошел Алексей, пригожий востроглазый парень.

– Завтра сведи боярышню к Шалым. Гляди, чтоб не обидели, – Вадим махнул рукой, мол, иди, откуда пришел.

Молодой вой поклонился и шагнул за порог. А чего ждать, если все сказано? Норов давно уж приучил ратных не болтать лишнего и не ждать от него самого досужих разговоров.

— Настасья, буквицы разберешь и сразу домой, — тётка сердилась, но перечить боярину, видно, не осмеливалась. — В девичьей есть дела, да и урок свой должна исполнить. Помнишь ли?

— Все помню, тётенька, все сделаю, — Настя кивнула и потянулась к ложке, а вслед за тем еще и кус хлеба прихватила.

Вадим сам себя не разумея, радовался. И тому, что кудрявая есть принялась, и тому, что румянец появился на гладких ее щеках, и тому, что впервой за долгое время не чуял пустоты в доме. Какие ни есть, а живые души рядом, хоть и незнакомые совсем, пришлые.

С таких отрадных мыслей и сам есть захотел: и пирога взял, и горсть ягоды мочёной в рот кинул. И все бы ничего, но в дверях показался ближник Бориска Сумятин:

— Боярин, там Захарка притёк. Говорит, ты велел.

— Явился? — Норов встал из-за стола. — Вели огня подать, ратных зови, кто есть. — Кивнул гостям и вышел безо всяких слов.

В сенях скинул кафтан на руки Бориса, и пошел на крыльцо, а там уж людно: вой собрались, работные огня принесли, девки жались за углом дома.

— Вот он я, — Захар стоял понурившись, головы не поднимал.

– А кто ты, Захар? – Норов злобу скрывал, себя удерживал.

– Кто? Так...эта...Андреев сын. По плотницкому делу мастер.

– Не завирайся, – Норов шагнул с приступок и протянул руку. – Вор ты подлый и никто другой.

Бориска без слов подал боярину крепкий кнут.

– Вадим Лексеич, пожалей, – Захар пал на колени, руками оперся о грязную твердь.

– Пожалеть? А ты людишек пожалел? Из схрона своровал, а чем скотину кормить, когда ворог придет? – Вадим развернул кнут со свистом, напугал Захара.

– Так сколь годков никто не напрыгивал на крепость, – заныл вороватый. – Чего ж сему гнить.

– Не разумел, значит? Слов не понимаешь, стало быть, кнута послушаешь, – Норов замахнулся и хлестнул по согнутой спине.

Вои смотрели с одобрением, а вот девки заохали, завыли. Сам Захар зашелся воплем, но Вадима тем не разжалобил. Еще пять крепких ударов и потертый зипун вора развалился надвое, сквозь него проглянула расплосованная рубаха и кровавые рубцы.

– Будет с тебя, – Вадим кинул кнут на землю. – Деньгу отдашь Борису, то для воев на заставе. Они за тебя, гаде-ныш, живота не жалеют, а ты семьи их обносишь. Пшёл вон, и помни, еще хоть раз уворуешь, живым не уйдешь. Разумел?

– Разумел, разумел! – Захар размазал по лицу слезы. – Благодарствуй за науку!

Норов уж и не слушал подлого, повернулся и пошел в дом. Там в дверях наткнулся на Настасью и сжал кулаки. Боярышня стояла столбиком малым, смотрела испуганно и пятилась в сени пока не ткнулась спиной в бревенчатую стену.

Вадим чуял за собой правду, но от взгляда кудрявой заледенел, поникла в душе радость, что явилась за столом в гридне. Будто лишился чего-то боярин, с того и тоской окатило, и злобой:

– Ты чего здесь забыла? – рыкнул. – К себе ступай, не путайся под ногами.

Боярышню как ветром сдуло, а Норову только и осталось, что смотреть на кончик девичьей косы, что кудрявился так потешно.

Вадим пошел в ложницу, скинул рубаху и крикнул воды нести. Умылся наскоро и упал на лавку, хотел взвыть, да по давешней привычке сам себя и унял. Взвалил на себя ношу, стало быть, надобно нести: и руки в крови пачкать, и людей оборонять, и суд вершить.

Вспомнил, как лютым псом бился за то, чтоб получить от князя боярскую грамоту, ухватить землицы, взять под свою руку Порубежное. Как радовался дому новому и ратной сотне, и как тошно стало потом, когда понял – боярская ноша тяжкая, радости от нее с гулькин нос, а бед – воз и телега впридачу.

Через малое время Норов заснул, да сны видел вязкие, муторные, все об тех, кто лёг в сырую землю по его указу, да о других, которые по его воле приняли на себя тяжкую холопью участь.

Путру вскочил, кликнул Бориску и велел седлать. Утричать не стал, торопился уехать из дома, что виделся клеткой похуже земляной ямы.

На крыльцо вышла провожать боярыня Ульяна, за ее плечом стояла и Настасья: голова опущена, коса гладко смётана. В глаза не глядела, руки в рукавах прятала. Вадим и вовсе озлобился, безо всяких слов взлетел в седло и увел за собой десяток воев на заставу.

От автора:

Большуха - Большак и большуха - главные в семье, обычно муж и жена, но не всегда. Большину (старшинство) могла передать свекровь одной из своих невесток при своей немо-
щи, при этом большаком продолжал оставаться её муж

Глава 6

Тётка Ульяна после утренней службы говорила с отцом Дмитрием у церковных ворот, держа крепко за руку Настасью. Видно, не желала отпускать боярышню по указу Норова. А сама Настя, едва не плакала от нетерпения, так хотелось побежать и поглядеть на народец, на торг, пусть маленький, но гомонливый.

Тётка как назло не торопилась, вела степенную беседу и все о божественном, о светлом. Настя вздохнула и смирилась, а чтоб терпеть было приятнее, раздумывала об том, об другом. Так учил отец Илларион, мол, человеку не дают скупать его же думки.

Церковь Насте понравилась: просторная и светлая. Отец Дмитрий читал громко, раскатисто, тем бодрил и обнадеживал людишек, что собрались к утреннему молебну. Сама боярышня крестилась истово, все поминала отца Иллариона, усопших батюшку с матушкой и просила отрады для тётки Ульяны. Напослед и за боярина Норова молила боженьку, чтоб дал ему сил поболее и сердечного тепла.

Стояла перед иконой и вспоминала как вечер наказывал Вадим своею рукой вороватого мужика. Поначалу испугалась, да не казни – поделом вору – а страшного лика боярина. Ведь кнутом хлестал без злобы, без гнева праведного, будто работу делал: бровине изогнул, дурного слова не кинул. Без-

душный?

Настасья хоть и молодая, а разумела – все не так, как кажется со стороны. Будь Вадим бездушен, так пожалел бы ее, сироту? Отпустил бы продохнуть от подворья и уроков суровой тётки, заметил бы, что боится запертых ставен? Но глаза-то видели, что рука боярская не дрогнула, отвесила кнута сполна. И ведь сам казнь творил, никому не доверил.

Зина ночью все удивлялась, что боярин не засёк виноватого до смерти, что ушей не отрезал и не прибил к воротам торгога*. Все твердила Насте, что она, может, правая, и боярин доброй?

Боярышня видала наказания не однова: в княжьем городище воров немало. Так и руки отсекали, и ноздри рвали, иных и вовсе вешали не вервие. Но там-то вои казнь вершили, а не князья, не бояре.

– Настасья, очнись ты, – тётка больно сжала руку боярышне. – Чего встала? Ступай по боярскому делу, да возвращайся скорее. Сословия своего не урони, не мели языком лишнего. Не болтай с простыми-то. Слышишь, нет ли? Да что ты как неживая!

– Слышу, тётенька, – Настя встрепенулась и двинулась идти, но Ульяна не пустила.

– Рот не разевай, домой торопись. Кудри, кудри-то опять повылезли. Да что ж за беда с тобой, растяпа ты эдакая, – ругалась тётка, а у самой глаза тревожные.

– Вернусь вскоре, ты уж не полошись, тётенька.

– Не полошись... – Ульяна принялась убирать под шапочку Настины кудряхи. – Сторожись, по сторонам поглядывай. И на что ему эти буквицы? Не прочел и ладно, так нет ведь, надобно ему, – ворчала.

Через малое время тётка отпустила Настю, пошла к хоромам, да все оглядывалась.

– Боярышня, куда сперва? – Зинка в теплом платке и залатанном зипуне топталась возле. – К Шалым иль на торг?

Алексей стоял поодаль, не сводил глаз с Настасьи, с того у боярышни и щеки румянились, и улыбка на губах цвела. А как иначе? Парень пригожий, ласковый, а взор огневой и очень волнительный.

– К Шалым, – Насте жуть как любопытно было вызнать, соврал боярин Норов про буквицы или правду молвил.

– Сюда, боярышня, – Алексей посторонился, пустил Настю с Зиной вперед себя и пошел следом.

А Насте отрадно, едва не спиной чуяла взгляд молодого воя, с того и шагала радостно, и головы не опускала. Была б пташкой – взлетела, до того хорошо.

В лад с Настасьей и погода: тучи разошлись, показали серое небушко, а промеж того и скупой лучик солнца пробился сквозь толщу густых облаков.

– Видать, тепло скоро, – Зинка подняла лицо к небу. – Как мыслишь, боярышня, весна-то спорая будет или промедлит?

– Не знаю, Зинушка. Скорее бы листки появились, да небо синее. Хмарь давит, будто грудь сжимает и дышать не дает.

– Не печалься, – встрял Алексей, – дед Ефим сказал, что теплу скоро быть. Река лед скинет, вот красота-то.

– Дед Ефим? Он ведун? – Настя обернулась к пригожему вою.

– Нет, – улыбнулся Алексей, – дедок как дедок. Живет долго, знает много.

– А вот и Шалые, – Зинка остановилась у ворот немалого подворья, а потом шагнула за порог.

– Боярышня, ты вперед-то не лезь, – Алексей подошёл совсем близко, ожег дыханием висок Насти. – Большуха Шаловская дюже хитрая.

Настя замерла, не нашлась с ответом, а миг спустя услышала в подворья злобный бабий голос, густой такой, раскатистый.

– Эй, куда прешь?

– По указу боярина Норова, – Зинка не растерялась. – Со мной боярышня Карпова.

– Чего надо?

Настя шагнула вслед за Зиной и увидала большущую бабу ростом никак не меньше боярина Вадима. Косы вокруг головы закручены, сверху плат накинута. Понева темная, простая, а рубаха крепкая. Стояла баба, уперев руки в боки, с того Настасья разумела – душевной беседы не случится, а будет иное, может, и страшное.

– Здрава будь... не знаю, как тебя величать, – проговорила Настасья ровно так же, как делала это тётка Ульяна.

– Ольгой, – баба окинула взглядом девушку и брови возвела высоко. – Ты что ль боярышня?

– Я, – Настя головы клонить не стала, но улыбкой процвела. – Настасья, дочь Петра. А тебя как по-батюшке?

– А мне откуль знать? Мамка, царствие небесное, ребятишек наплодила от многих мужей. Какой из них мой батька не сказывали, – и ощерилась глумливо.

Настя почуяла, как щеки полыхнули румянцем, а вслед затем увидала, что Алексей шагнул защитить от языкастой. Парня боярышня удержала, а сама пошла ближе к страшной бабе:

– Боярин Вадим говорил, что лук у вашей большухи есть. Буквицы на нем, а что писано, никто не разберет. Покажи, – Настя сей миг пожалела, что она не тётка ее суровая: той бы не отказали и мигом подали окаянный лук, а ей – еще бабка надвое сказала.

– Ну есть, – Ольга лениво почесала плечо. – Я большуха. Зачем тебе лук?

– Глянуть и прочесть, – Настя старалась не опускать головы.

– Грамотная?

– Да.

– Вона как... – Ольга снова почесалась. – А и не скажешь. Кудряхи-то потешные и глаза, что у дитяти. Ладно, за погляд денег не берут. Вынесу, коли сам боярин просит.

Пока Ольга ходила в дом, Зинка и Алексей прыснули

смешком. Настя старалась по тёткиному указу не ронять боярского сословия, но не выдержала и хохотнула сама. А вот потом стало не до смеха. Лук, что вынесла большая баба, виделся до того огромным, что Настя задохнулась. Такой и не поднять, не то, что тетиву натянуть.

– Ну гляди, чего там? – Ольга поднесла ближе и показала вытесанные руны.

– Лук-то северянский, – Настя разобрала буквицы.

– А то я не знала, – хмыкнула баба. – Читай давай.

Настя разумела написанное.

– Ты не сболтнула ли, что грамоте обучена? Чего глаза-то пучишь, боярышня? – Ольга насупилась и нависла над Настей.

Настасья не знала сей миг, как не уронить боярского сословия, чуть испугалась:

– Тут сказано, что лук дан Харальду Безухому его конунгом. Князем, по-нашему.

– И все? – Ольга скривила губы.

– И вот еще руна обережная, – Настя указала.

– Что мне с того берега, – вздохнула баба. – Лук, чтоб ворога изводить и всех делов. Ты вот как себя оборонять думаешь?

– Я? – Настасья задумалась. – Бежать, Ольга. Ничего иного я не смогу.

Ольга голову к плечу склонила, оглядела Настасью:

– Бояре все спесивые, а ты нет, не таковская. Лук этот от-

да моего, Харальда Безухого. И что на нем писано, я знаю с малых лет. Значит, не соврала, что грамоте обучена, – Ольга кинула скупую улыбку. – Бежать хорошо, это ты верно сказала, токмо я тебе получше совет дам. Возьми скалку и лупи ворога почем зря. На тот случай, ежели догонят тебя, боярышня. Иного оружия ты не удержишь в ручонках.

Настасья оглядела свои руки и вздохнула:

– Так не учили меня ратиться. Вышивать могу, буквицы выводить, считать. Шить умею, дом вести – хоть большой, хоть малый... – Настя и не хвасталась, просто обсказывала что и как.

– Оно и видно, – Ольга глядела тепло, по-доброму. – Не горюй, обороним. Ты вон пойдешь по улице, людишкам поулыбайся. Уж больно ты потешная. Всякому своя доля и свое дело. Мне тетиву натягивать, а тебе народ радовать. Ступай, Настасья, дочь Петра, здрава будь на многие лета, – поклонилась урядно.

– Дай тебе бог, Ольга, дочь Харальда, – кивнула и Настасья. – Благодарствуй на добром слове.

Настя уж повернулась уйти, но большуха удержала:

– Сыщи в себе бо ярое*. За свое хлещись изо всех силенок и никому не позволяй над собою верх взять. За себя стой и за своих. Здесь инако нельзя. Порубежное. Разумела ли?

Настасья задумалась, а уж потом дала ответ хитрой бабе:

– Благодарствуй за совет. Пойду на торг, скалку прикуплю.

– Вижу, разумела, – хохотнула Ольга. – Ох, занятная ты. Я ажник вздохнула легче, давно так не веселилась. Погоди, – и ушла в дом, правда, вернулась скоро. – Держи скалку-то, аккуратно по твоей руке.

Настя взяла подношение, не сдержалась и прыснула смешком, за ней и Зинка с Алексеем. Однако все заглушил раскатистый и громкий хохот Шаловской большухи.

Прощались долго да шутейно. Ольга зазывала Настасью в гости, обучать ратному делу, а та отшучивалась, говорила, что пока к скалке не привыкнет, не пойдет.

За ворота вышли довольные: Зинка несла скалку и посмеивалась, а Алексей все норовил ближе к Насте подступить. Сама же боярышня парня не гнала, уж очень отрадно смотрел, тревожил горячим взором девичье сердечко.

На торгу пробыли недолго, но и там не обошлось без потехи. У лотка со связками скобленой берёсты Настасья задержалась. Все оглядывала товар, приценивалась. А как иначе? За поясом две тощие серебрушки, вот и все богатство.

– Бери, красавица, сам скоблил, – мужик в шитом зипуне нахваливал свой товарец. – Вот связка, отдам за деньгу.

– Деньгу? – Настя замялась. – Дорого.

– Как дорого-то? – мужичонка аж задохнулся, шапку с головы смахнул. – Дешевле не сыщешь! Сама гляди, и так гнется, и так. И не трескается, и не ломается. Самолучший товар!

– Загнул цену, – встряла Зинка. – Кому тут берёсты твои надобны? Сколь уж их торгуешь, а все не продашь. Полдень-

ги.

– Люди добрые, да вы гляньте! – завыл мужик. – Напраслину возводит! У меня той берёсты сам Норов покупает!

– Болтун, – подошел Алексей с большим пряником в руке. – Боярин у тебя сроду ничего не брал. Ему и пергамен*, и берёсты возят с княжьего городища. Его писарь иного не признает и к тебе, болячка, близко не подходит. Полденьги.

– Кто тебя за язык-то тянет, – мужик вздохнул и шапку на голову надел. – Давай полденьги, – поглядел на Настю. – И улыбку до горки. Что? Такая милаха явилась, а я тут спозаранку стою, мерзну. Так хоть порадоваться чуток.

Настя покачала головой да и кинула улыбку шутейнику, а тот в ответ.

– Эх ты, – радовался, – как тебя в Порубежное-то занесло? Погостить к кому?

– В дом к боярину Норову, – Алексей взял связку берёст. – С боярышней говоришь, поклонись.

– А и поклонюсь, – согнулся потешно. – Вот тебе еще, – полез под лоток. – Писало прихвати, то мой подарок. Осинное, новехонькое.

– Дай тебе бог, – Настя протянулся полденьги. – Спасибо, добрый человек.

– Ты б шепнула боярину, что тут товар лучше, чем в княжьем городище. Я б еще добрее стал, – хитро подмигивал.

– Отлезь, – Алексей хохотнул. – Тебе палец дай, всю руку оттяпаешь.

Дальше уж по торгу шли молча, а как иначе, если пригожий вой пряником угостил? Жевали все трое, улыбались и шурились на серое чуть просветлевшее небо.

Вошли на подворье боярское и обомлели: беготня и суета! Тётка Ульяна, стоя на крыльце, указывала кому и какое дело творить: работные чистили двор, девки носились с половицами, трясли зимнюю пыль.

– Явилась, – боярыня будто вздохнула легче. – В дом ступай, гулена. Зина, иди ко мне, дело есть, – Алексею кивнула, отпуская.

– Иду, тётенька, – Настасья заторопилась, но обернулась на молодого воя, подарила улыбку светлую. Тот снова шапку стянул, да так и остался стоять. Настя чуяла взгляд его и радовалась, что дитя.

В ложнице боярышня скинула одежду и вытянула из сундука старенькую запону, рубаху вздела поплоче, а уж потом и двинулась в боярскую гридню исполнять урок, наложенный тёткой Ульяной. В сенях повернула в клеть малую, забрала скребок и указала пробегавшей мимо девке нести кадку с водой, та поклонилась и обещалась сей миг подать.

В гридню Настя ступила не без опаски, а как иначе? Боярская, Норовская, а оно страшно, но и интересно до жути. По первой никого не увидала, а потому пошла оглядеться. На боярском столе свитки, связки берёсты, а сбоку малый стол для писаря. По стенам широкие лавки, в углу икона простая, потемневшая от времени.

– Чтой-то за пташку ко мне занесло? – Голос старческий дребезжащий

Настя едва не взвизгнула, обернулась и увидала в на лавке писаря Норовсокого, Никифора.

– Здрав будь, Никифор... – замялась, – не знаю, как побатюшке.

– Зови дед Никеша. Привык я, – писарь встал и пошел к боярышне, оглядел ее с ног до головы и хмыкнул в сивые усы. – Ты чегой-то чернавкой? Ужель тётка наказала?

– Вовсе нет, – Настя помотала головой. – Я, дедушка, сама пришла. Дел много, так дай, думаю, помогу.

– Ну помогай, коли пришла, а я уж тут посижу, – и снова уселся на лавку, привалился к стене. – Стылая нынче весна, аж выть хочется.

– Дед Ефим говорит, что скоро теплу быть, – Настя припомнила слова Алексея. – Деда, тебе шкуру подать? Сейчас я.

Бросилась к клетки и ухватила теплое, а потом бегом в гридню:

– Вот, давай спину укрою, – накинула на старого шкуру и пошла за скребком. – Тебе бы взвару теплого.

Дед Никеша уж рот открыл ответить, но вошла девка, поставила на пол ведро с водой да и ушла с поклоном.

– Скрести станешь? Рук не жаль? – дед вроде как удивлялся.

– Другие же не берегут, делают, – Настя полила водой де-

ревянный пол и принялась скрести от окна к дверям. – Деда, тебе не тоскливо тут со мной? Хочешь, в ложницу сведу? Поспишь, согреешься.

– Одному тоскливо, а с такой кудрявой отрадно. Ты, боярышня, схитрила. Чем тётке-то досадила, что в чернавки подалась?

– Почудилось тебе, дедушка, – Настя скребла на совесть, но и радовалась, что пол скоблен был до нее и работы не так, чтоб до седьмого пота: с непривычки немели и руки, и колени.

– Ладно, вижу, говорить об том не желаешь. А вот про свитки? Что скажешь? Бумаги-то видала?

Настя замерла, а потом поднялась и двинулась к деду:

– Бумаги видала, но такой, как тут, никогда. Это чья же?

– Фряги дали заместо мыта. Давно еще. Боярин Вадим сторговался, любит, когда все самое хорошее ему.

– Фряги были? – Настя и дышать забыла. – Деда Никеша, а Расскажи какие они?

– Чернявые, голосистые. Парнишонок один песни пел да складно так. Ты умеешь ли?

– Пою, – Настя придвинулась к дедку. – Отец Илларион научил. Сказал, что иная речь лучше помнится, если песни петь.

– Спой, – теперь и писарь востепенулся. – Страсть как люблю песни слушать.

– Петь? – Настасья замаялась. – Деда, так мне работать....

– Одно другому не помеха! – хитрый дедок подмигнул. – С песней любое дело легче.

Настя думала недолго: запела на фряжском и принялась скрести. И ведь правый оказался дедок – с песней и не заметила, как почти все осилила.

От автора:

Прибить отрезанные уши к воротам торго- да, так поступали с ворами. Отрезали уши и прибивали к воротам или столбам торго, где произошла кража.

Бо ярое- слово "боярин" произошло от указания "*Боярый-муж*", (где *бо-* он, этот *ярыймуж*), коих старцы определяли на вечевом круге по заслугам перед обществом и личным качествам. Как правило это были боевые заслуги и качества управленца, властителя. Ольга имеет ввиду, что нужно искать в себе силы противостоять, властвовать.

Пергамен- материал для письма из недублёной сыромятной кожи животных (до изобретения бумаги). На Руси долго использовали пергамен, поскольку собственного производства бумаги не было.

Глава 7

– Вадим Алексеич, похоже, правый дед Ефим, вскоре тепло грянет, – Борис Сумятин подвел коня к боярину. – Лёд-то на реке ноздрястый, того и гляди лопнет. А если завтра солнцем окатит?

Вадиму и без слов десятника было понятно, что времени мало.

Реку перешли по льду, и двинулись уж лесной дорогой к заставе, а Норов все оборачивался, все хотел разуместь, что его гложет: то ли тепло скорое, то ли еще что-то – светленькое и кудрявое.

– Верно, Бориска, говоришь, – кивнул Вадим. – Ты вот что, води десяток на заставу, забирай небывальцев* в Порубежное. А я обратно в крепость, полусотню соберу и через реку переправлю, пока дорога есть. Ты гляди в оба, особо за Нерудовым. Жадный стал, лютый. Разумеешь, что не годен, гони в Порубежное. Скажи, я велел.

На том и распрощались: Сумятин повел воев дальше, а боярин – повернул к дому. Ехал, размысливал, прикидывал и так, и эдак. Понял, что порешил верно и уж боле не сомневался, а понукал коня идти быстрее.

Сам бы себе не сознался, что хочет вернуться на подворье. Уж очень тоскливо было думать, что кудрявая девчонка осталась там и, по всему заметно, в испуге от него, Норова.

С того и злобился, и огорчался, а доставалось верному коню, которого подстегивал нещадно.

В Порубежное влетел едва не соколом, у подворья полусотника завертелся व्यюном, сдерживая коня, свистнул хозяину и велел собирать воев к завтрашнему дню, отправлять на заставы и засеку. Полусотник – муж бывалый – поклонился и ответил, что все уж давно готовы и ждут только его, Норовского, указу.

Боярин кивнул и намётом до своих хором. По дороге махнул рукой воям, что ехали рядом, те и без слов поняли, что Вадим отпускает по домам, а потому и отстали.

На подворье Норов спешился, отдал поводья подбежавшему холопу и шагнул в сени. Там остановился, не узнавая родного дома: вокруг чистота, благость и дышится легче. Двинулся к гридне, озираясь, а потом услышал смех: звонкий девичий и хриплый писаря своего, Никешки.

– Ох, уморила, давно так не веселился. Ты, боярышня, в гроб меня вгонишь, – хохотал старый.

– Дедушка, зачем такое говоришь? – Голос-то у боярышни стал испуганный. – Живи еще век, а то и дольше.

– А зачем? У меня вот кости ноют, – жалился хитрый писарь. – Какая ж радость стариком быть? Вот разве что принесет девица пригожая жбанчик теплого взвару, тогда и захорошеет мне.

– Принесу, дедушка, я мигом. Только вот ведро и скребок на место верну.

Вадим прислонился к стене, разумея, что застанет его Настасья, поймет, что подслушивал. А уж потом одернул себя и двинулся навстречу: ведь в своем доме, так чего прятаться по углам? На пороге столкнулся нос к носу с кудрявой.

Та обомлела слегка, попятилась да зацепилась сапожком за порожек и упала бы, если б не крепкая рука Норова. Ухватил ее, испуганную, за плечо и к себе дернул, а потом и сам обомлел, как Настя миг тому назад. Рука-то у боярышни тонкая, сама она легкая, от волос дурманом веет, а от взгляда ее оторопь берет, и не какая-то там жуткая, а самая что ни на есть сладкая.

– Здрав будь, Вадим Алексеевич... – прошептала Настя.

– И тебе не хворать, Настасья Петровна, – выдохнул Норов. – И не спотыкаться.

– Прости, удивилась тебе, – Настя отступила на шагок малый. – Не ждала так скоро.

– А когда ждала? – Вадим-то сболтнул и сам себя укорил: как малолеток, ей Богу, выманивал у девицы слов ласковых.

– Хозяина всегда в дому ждут, – высказала и улыбнулась. – Прости, задержала тебя, встала на пороге и не пускаю.

Норов оглядел боярышню с ног до головы, заметил и запону ветхую, измаранную на коленках, и рубашонку плохенькую. Посмотрел на руки – красные и озябшие – а уж потом метнулся взглядом к окаянному кудряшам. Растрепались, повыскачили из-под очелья завитушки, облепили личико милое, будто обняли. Норов замер и все силился по-

нять – девчонка перед ним иль девица? Годами уж невеста, а взглядом – дитё дитём. Миг спустя очухался и принялся выговаривать бедняжке:

– Не пойму, ты чернавкой тут? Откуда одежды такие? Почто ведро сама тянешь? Девки нет, чтоб снести? – Норов говорил, да и разумел, что сама его гридню чистила. – Настасья, отвечай сей миг, ты что тут вытворяла?

Боярышня в лице поменялась, улыбку спрятала и голову опустила низко, Норов и не так, чтоб противился: уж очень отратно было смотреть на девичью макушку. Но дурное в себе сдержал и снова приступил с расспросами:

– Настасья, говори. Инако осержусь, – пугал, а улыбку в усах прятал.

– Полы скребла, – в дверях показался дед Никеша. – Скоблила так, что едва до дыр не стёрла. Лавки мыла, ставни чистила, шкуры трясла. Все, чтоб хозяину угодить, – дедок сердчал.

Вадиму долго объяснять не понадобилось, а потому и спросил:

– Хозяину иль хозяйке?

– А чего ж ты, боярин, меня спрашиваешь? Вон боярышню пытай. Иль ее теперь Настькой звать? Чернавкой?

Вадим на речи писаря отвечать не стал, почуял, что Насте тот разговор поперек сердца.

– Никеша, ступай в гридню. Ты, Настасья, в такой одежде более не попадайся мне на глаза. Осержусь, – и махнул ру-

кой, отпустил девушку, что от стыда готова была провалиться сквозь землю.

Боярышня подхватила ведро на вервие, скребок цапнула и побежала по сеним. Норов не удержался и глянул вослед Насте; бежала она уж очень завлекательно: кудряхи подскакивали, а кончик косы мотался из стороны в сторону.

– Чур меня, – перекрестился писарь. – Вадимка, окстись. Рожа-то чего такая довольная? Убил кого поутру? Иль изувечил? А может, пограбил?

– Не-е-е-е, – протянул Норов. – Токмо собираюсь. Тут дедок один дюже говорливый, так вот размышливаю – убить иль изувечить. А может, пограбить? Признавайся, старый хрыч, сколь деньги скопил?

– Да забирай все, – заворчал Никифор. – Чего толку беречь? Платишь ты щедро, слова не скажу, а потратить не дашь. И днем, и ночью гну спину на тебя, изверг. Ты обещался, что на заставу уедешь, так какого ж ляда воротился?

– Лёд на реке истончал, – Вадим взошел в гридню и огляделся.

Пол светлее некуда, шкуры на лавках чистые и пушистые, нигде ни пылинки, ни соринки. И всем бы был доволен боярин, если б не знал, что за такую благодать боярышня стирала пальцы в кровь и гнула спину, как простая чернавка.

Сам себе удивлялся: и мыслям досужим, и тому, что принялся жалеть незнакомую девчонку. Лишней сердечности за собой не замечал, вот разве что, когда подлетком был, ма-

тушку лелеял. Да о том уж почти позабыл, вспоминал только в церкви, когда ставил свечу за упокой.

– И чего ты влез? – сокрушался писарь. – Так душевно говорили с Настенькой. Она сулила взвару принести, теперь при тебе и не покажется. Кликни девку, пить охота.

– Никеша, ты страх обронил? Может, мне самому сбегать, спросить у тётки Полины для тебя питья? – Вадим двинулся к старику.

– Тпр-у-у-у-у, стой. Разошелся, расколыхался, – довольный дедок уселся на лавку и умолк.

Норов же пометался по гридне и прилип к оконцу: на дворе сыро да серо. Снег просел, покрылся поверху грязью, в иных местах и вовсе потёк ручьями. Небо тоже неотрадное – сизое, будто крыло голубиное. Правда в облаках увидел боярин просветы, тем и унялся в надежде на долгожданное солнце.

Вадим прошелся от стены к стене, глянул на писаря: тот склонился над связкой берёсты и читал, шевеля губами. В гридне тишина и тоска, да такая, что Норов уж было собрался взвыть, но раздумал и порешил пойти по подворью, поглядеть, что боярыня Ульяна наработала.

Только сделал шаг, как на пороге показалась Настасья: летник шитый, сапожки тонкой кожи, навеси длинные и блестящие. В руках у боярышни жбан взвара и две кружки. Посудину Настя держала перед собой, потопталась чуть испуганно, но себя пересилила:

– Взвару теплого, боярин, – поклонилась урядно, и все бы ничего, только вот навеси-то долгие...

Норов смотрел на боярышню, разумея, что сей миг засмеется: навесь при поклоне аккурат в жбан угодила и теперь полоскалась там, как исподнее в корыте. Настя так и стояла, согнув спину, косилась на ею же сотворенное нелепие, а вот дед Никеша не промолчал:

– Правильно, боярышня. Навесь-то, чай, из серебра? Коли почернеет, то во взваре отрава. Теперь стой и жди.

Норов не сдержался и прыснул коротким смешком, боярышня же разогнулась и глядела на капли ягодного взвара, пятнавшие нарядный распашной летник.

– Сей миг нового принесу, – прошептала, опустила глаза, уже налившиеся слезами, и бросилась вон из гридни.

Норов уж хотел догнать, сказать, что пил всякое, да похуже взвара с навесью, но его остановил зловредный писарь:

– Гляньте, ослабился. Ты вон лучше раздумай, влетит девке за попорченный летник, нет ли? Взвар-то с ягод, пойдди отмой.

Не успел боярин ответ дать, мол, боярышня же, кто посмеет, как в гридню вошла чернавка и поставила на стол жбан и кружки. Поклонилась быстренько и проворной мышкой шмыгнула вон. Вслед за тем с бабьей половины послышались ругань и стук дверной. Потом все затихло, затих и злоязыкий дед Никеша.

Норов раздумывал, понимая, что Настасья виноватая: он

и воев своих корил за косорукость, не спускал вины. Но знал Вадим и то, что из-за его сердитых слов Настасья обрядилась как на пир. И по всему выходило, что он, хозяин Порубежного, подвел девку под горячую руку боярыни Ульяны.

– Да гори все! – выверился Норов. – Об чем раздумываю? Дел и без того много! – с теми словами выскочил из гридни и пошел в ложницу, забрать кафтан потеплее.

Метался по ложе, пока не наткнулся на оконце. Вмиг распахнул ставни и вдохнул сырого весеннего духа. Полегчать-то полегчало, но ненадолго.

Из-за угла хоромины вышла Настасья: шубка старенькая, сапожки стоптанные, навесей как не бывало. Шла, склонив голову и прижав руку к уху. Добралась до узенькой лавки, что втиснулась меж двух приземистых сараек и рухнула на нее, как подкошенная. Спустя миг Норов услышал голосок, да жалостливый такой, хоть рыдай:

– Дурочка безрукая... – шептала. – Да что ж я такая ничемная...

Норов прикрылся ставней, смотрел сквозь малую щель на боярышню и злобился. Сидит, глупая, в самом уголку, себя казнит, да и отсюда видно, что ухо – краснее некуда. Иная бы злостью исходила на тёткину науку, ругалась бы, ногой топала, а эта убивается, едва не плачет.

Меж тем Настасья подхватила снежка и приложила к горящему уху, ойкнула и откинула комок, видно, больно было, да и обидно. А потом уставилась куда-то вбок, да так глаза

округлила, что Норов выглянул из окна.

В пяти шагах от боярышни стоял огромный серый пёс: приник к земле, скалил длинные и крепкие зубы. Шерсть на загривке дыбом, а на боках – клоками свисает.

Едва дыша, Вадим протянул руку и снял со стены лук, торопясь, наложил стрелу, еще и Всевышнему спасибо сказал, что оружие в ложе осталось. Знал боярин о сером псе, которого на подворье боялись, как огня, и не ловили, когда тот без опаски таскал кур и душил их возле забора. Звали сатаной в обличии и крестились всякий раз, когда поминали его к ночи.

Пес прижал уши и зарычал. Когти его глубоко ушли в рыхлый снег, хвост вздыбился, а глаза едва искры не метали. Вадим сотню раз пожалел, что Настасья забилась в самый глухой угол подворья, но и тьму раз обрадовался, что некому напугать серого, чтоб кинулся на девушку. Боярин стрелу пускать не спешил, не знал наверно, что убьёт животину, а подранки, они лютые: вцепится в горло девичье и загрызет.

– За мной пришел? – Настя не бежала, не трепыхалась. – Загрызи. Всем я помеха, всем обуза. Для чего живу, для чего хлеба ем и землю топчу... – и заплакала тихонько, закрыла лицо ладонями. Всхлипывала жалостно, поскуливала, что дитё малое.

Серый взрыкнул, но не кинулся, вильнул хвостом и пошел к боярышне – сторожко, тихонько. Потом и вовсе сел возле ног плаксы, уши поднял и дожидался чего-то.

Вадим натянул тетиву, разумея, что ждать уж нельзя, но сам не понял, почему промедлил. Смотрел, как серый кладет лапу на колени Насте и поскуливает щенём брошенным.

Через малое время пёс сунулся облизывать руки Настасье и хвостом вилять. Та отпихивала его, приговаривая:

– Не надо, ничего мне не надо, – и рыдала уж в полный голос.

Серый и сам завыл тихонько, ткнувшись мордой в щеку Насти.

– Уйди, – Настя толкала большого пса от себя. – Утешать взялся? Вот глупый...

Серый хвостом вилял да так сильно, что Вадиму на миг показалось – оторвется. Сам боярин лук опустил, но стрелы не убрал, сторожась.

– Что? Ну что? – Настя уже гладила лобастого пса. – Исхудал, шерсти обронил. Что ж ты, серый, пугаешь всех? Сам-то ласковый, а чёртом притворяешься, – и улыбнулась.

Вадим от злости едва лук не переломил! Осердился на кудрявую до темени в глазах! А как иначе? Разжалобила, напугала, а теперь еще и смеется, окаянная! Хотел уж крикнуть, выговорить боярышне, но смолчал отчего-то...

– Большой ты, теплый, – Настасья обняла мохнатого пса, прижала большую голову к груди. – Нелегко тебе? Оголодал? Бедный ты, бедный. И притулиться тебе некуда, гонят ото-всюду. Ты погоди, погоди, шерстнатый, я тебе каши дам. И кости бы не пожалела, но пост ведь, откуда мясу взяться?

Не убежишь? – встала и двинулась к хоромам, остановилась возле большой бочки с водой и умылась наскоро, стряхнула со щек давешние слезы. – Эх ты, всю шубейку мне шерстью залепил. Тётянька увидит, осердится. Ты жди меня, ладно?

Пёс, будто разумея, отошел за уголок сарайки и выглянул оттуда, мол, жду, возвращайся скорее. Настя улыбнулась и побежала.

Вадим опять смотрел на косу, что металась по ее спине, подпрыгивала и потешала. Поразмыслив, понял – сам себя потешал, а был бы вокруг народец, то и его бы развеселил. Пса вороватого и лютого не убил, еще и девчонку с ним рядом как-то вытерпел, хоть и изошел холодным потом.

Серый терпеливо дожидался боярышню, Норов – тоже. Хоть и держал лук наготове, а все одно, любопытничал – как дальше-то будет? Что скажет чудная Настасья псу, чем угостит незваного гостя?

Она и не промедлила: показалась из-за угла хоромины с мисой – старой, выщербленной по краешку:

– Серый, серенький, – звала, – иди. Вот каша-то. Теплая еще. Ты ешь, ешь, – поставила мису на землю и отошла подалее.

Пёс, припадая на передние лапы, потянулся к угощению, почуяв, что не отнимут, набросился на кашу. Рычал, едва посудину не грыз.

– Глянь, небо-то светлеет, – тихонько говорила, пса не пугала. – Ужель тепло скоро? Солнышко будет, цветки, – вздох-

нула. – Откуда здесь цветам-то взяться? Вытоптаны давно... Порубежное.

Вадим, слушая речи боярышни, затосковал, но и озлился. Чем плохо Порубежное? Его ведь земли, его дом, его вотчина.

Меж тем пёс вылизал мису, подошел к Насте и ткнулся носом в ее ладонь.

– Наелся? – погладила легонько мохнатую головушку. – Ты ступай, серый, прячься. Увидят, так кнутами засекут, или вовсе стрелу пустят. Завтра приходи. Придешь?

И снова Вадим удивлялся понятливости животного! Пес потрусил к сарайке, оглянулся на Настю, рыкнул, словно прощаясь, и шмыгнул в щель под приступками.

От автора:

Небывалец- новобранец, новичок, боец, который еще не бывал в сражении. На заставах (пограничных постах) существовала система обучения: опытный воин - новому воину. Обучали не только военному ремеслу, но и субординации, самообслуживанию: готовить еду, содержать в порядке свою одежду и пр.

Глава 8

Вадим долгонько смотрел на боярышню, прислонясь плечом к ставне: и так голову склонял, и эдак, все ждал от нее чего-то. Не выдержал и окликнул:

– Принялась кормить приبلудного? – и вроде ругать не хотел, а получилось сердито.

Настя обернулась на голос и покраснела: даже издалека увидал Вадим взгляд испуганный.

– Боярин, я свою отдала, – она подошла к окошку и подняла к нему личико: тревожное и милое. – Я нынче есть не стану.

Смотрел Норов на кудрявую и все порешить не мог – ругать или утешать? Стоит перед ним девушка – добрая, сердечная –, а вокруг видит лишь злое и винится загодя, ожидая упрёка иль наказания.

– Настя... – голос-то у боярина дрогнул, – я с тебя не за кашу спрашиваю, а за то, что подпустила к себе зверя. Как не убоялась? Ведь немало людей погрыз, чай, слыхала уже. Сторожу тут с луком наизготовку, – показал в окошко оружие грозное.

– Прости, Вадим Алексеевич, – голову опустила, руки в кулачки сжала. – Всем докучаю. Одни хлопоты со мной.

– И какие ж хлопоты? – Норов и жалел печальную, и потешался над нею. – У окна постоять и поглядеть на чудо чуд-

ное? Так за это, пожалуй, спасибо сказать надобно. И чем ты пса проняла? Хвостом вертел так, что я уж было подумал, оторвется и останется на снегу лежать.

Настасья чуть замерла, а потом взглянула на Вадима, да так, что тот едва не хохотнул: глаза бирюзовые по плошке, рот приоткрылся.

– Не пойму я... – Настя потопталась чуть, а потом, приподняв полы шубки, влезла на лавку, что притулилась у стены хоромины, аккуратно под окнами боярской ложницы. – Ты шутишь, боярин, нет ли? Смеешься надо мной?

Норов дышать забыл: мордашка девичья близко совсем, глаза светятся теплом, и сама Настя будто тянется к нему.

– Так это... – очухался, – смеюсь, не без того. Ты не спеши печалиться, боярышня. В Порубежном редко, когда повод есть потешиться, а потому и дорог он. Я вот нынче одним днем за весь год отсмеялся. Затеяница ты, как я погляжу. То навеси во взваре полощешь, то с лютым зверем обнимаешься. Жаль, раньше не пожаловала в Порубежное, глядишь, и веселее бы стало.

Настасья с ответом не спешила. Сложила руки на подоконнике и оперлась на них подбородком, вроде как раздумывала:

– Вот и тётка Ольга потешалась утром. Ты, говорит, иди и улыбайся, а людям с того отрадно станет. Что ж я, скоморох какой? – жалилась Вадиму.

Норов едва себя удержал, чтоб не погладить девичью го-

ловушку. Да не утешить хотел, а потрогать кудряхи, которым несть числа. Распушились косы-то по весенней сырости, рассыпались в разные стороны. Красота...

– Скоморох смешит, а ты радуешь. Чуешь разницу-то, боярышня? – лук положил и руки за спину убрал от греха подальше.

– Тётка Ольга смеялась. И ты вот... – Настя и сама улыбнулась. – Так-то посмотреть, лучше смех, чем слезы.

– погоди, ты про Ольгу Харальдову? Точно ли? Смеялась? – Вадим удивлялся.

– Она самая, – кивнула Настасья. – Ох и лук у нее! Как держит-то? Как поднимает?

– Лук знатный, тут слова не скажу, – Вадим не успел себя одернуть, принялся девице да об оружии. – Такой лишь у нее и у меня. Ей от отца достался, а я стяжал в бою ладейном о третьем годе. Мимо высокой водой шли северяне, сказали, что торговать, а ввечеру бросились на крепость. Вои они умелые, но напрасно сунулись в Порубежное. Здесь каждый человек – ратник: хоть дитё, хоть старик немощный. Загнали мы их на ладью и... – осекся, разумея, что об таком девчонке лучше не знать.

– И что? – Настя аж на цыпочки встала, дышать забывала от любопытства. – И что дальше-то?

– Ну как что, накормили, напоили и отправили домой, – Вадим пристукнул крепким кулаком по стене. – Как сама-то мыслишь, что дальше?

– Мыслию, что до дома они не добрались, – вздохнула кудрявая. – А зачем наскакивали?

– Так причина-то завсегда одна и та же, – не удержался и дернул за девушку за косу. – Вызвать хотели, крепкие ли у нас вои, да разуместь, если ли чем поживиться в крепости.

– Это все потому, что земля у них скудная, родит плохо. Одной рыбой сыт не будешь, вот и ходят искать поживы, – Настя улыбнулась и косу перекинула за спину, мол, моя, не хватайся.

– Молодец. Откуда знаешь? – спросил и сам понял: поп науку передал.

– Отец Илларион сказывал, – Настя запечалилась, голову опустила. – И как он там? Велел писать, а как же я ему отпишу, кто передаст послание? Далеко забрались...

– Нашла об чем горевать. Третьего дня конный двинется в княжье городище, так ступай поутру к воротам и передай берёсту. Укажи, где попа искать.

– Правда? – Настя едва не сплясала на лавке. – Дай тебе бог, Вадим Алексеевич, долгих лет и отрадных!

Норов хохотнул, хотел уж дальше разговор вести, но услышал сердитый крик тётки Ульяны:

– Настасья! Куда запропастилась?! – Голос-то совсем близко слышался!

– Ой, батюшки! – Настя заметалась. – Я ж ушла и пропала! И мису кинула!

Вадим насилу успел удержать боярышню за ворот, не пу-

стил с лавки:

– Куда ты, заполошная? – высунулся из окна, протянул руки, подхватил девушку и в ложницу поднял.

Поставил боярышню на ноги, а от себя не отпустил: прижал к груди, а на кудрявую головушку положил тяжелую ладонь. Косы-то у Насти гладкие, шелковистые, а сама она – теплая и ладная.

Стояла боярышня тихонько, ухватившись за кафтан Вадима. Норов едва удержался: хотел прижаться щекой к светлой макушке. Разумел, что дурное затеял, себя обругал, а Настю все ж не отпустил.

– Испугалась? – говорил тихо. – Не бойся, не выдам.

Настя чуть плечом двинула, мол, пусти, а Норову такое поперек сердца: уж очень отраднo было стоять рядом с девушкой, теплом ее греться. Но руки разжал, выпустил пташку.

– Пойду я, – Настя отступила на два шага, улыбнулась. – Тётенька ищет.

– И куда пойдешь? – от девичьей улыбки и сам повеселел. – Второе ухо подставлять? – смотрел на краснющее.

– Так...куда... – замялась, прикрыла горящее ухо ладошкой. – В ложницу. Скажу, что... – и умолкла.

– Ступай в гридню мою, садись рядом с дедом. Скажи, я велел, – Вадим хохотнул. – Чую, там боярыня Ульяна еще не искала.

Настя растерялась на малый миг, но совету вняла:

– Там-то нет. Кто же хозяину станет докучать? Спасибо, Вадим Алексеевич, – поклонилась низко.

– Ступай, Настя, поторапливайся, – и присвистнул.

Боярышня выскочила за порог, едва не со смехом, и по сениям побежала проворно. Норов, глядя вослед, жалел, что тётка заполошная спугнула девицу, не дала разговоры разговаривать.

Должно быть с того осердился на Ульяну, подошел к окну и выглянул во двор: тётка шла к сарайкам, кричала, звала Настасью.

– Ульяна Андревна, ты что ж надсаживаешься? – спросил суровенько.

– Вадим Алексеич, прости уж, – поклонилась легонько. – Да вот запропастилась куда-то, окаянная.

– Куда ж она в дому запропаститься может? Тут не преисподняя, чтоб сгинуть, – прищурился, зная, что злит Ульяну.

Та руки опустила, а голову подняла высоко, видно, готовилась отпор дать:

– Я взялась ее пестовать, так и знать должна о ней.

Вадим оглядел двор, заметил, что поблизости никого нет, да и выговорил:

– Хозяйка ты наилучшая, а вот пестун из тебя, уж не сердись, скверный. Ты с чего взяла, что можешь ронять боярское сословие? – и бровь изогнул злобно.

– Я? – Ульяна, видно, изумилась отповеди.

– А кто? Ни одной дворовой девки не видал, чтоб с красными ушами бегала, а боярышня – всякий день.

– Так за дело получает, – упёрлась смелая тётка.

– Это что ж за дела такие, в которых дворовые лучше боярышни? Она у тебя немощная или умишком слабовата? – голосом давил.

– Что ты, – Ульяна руками замахала на Вадима. – Разумеет, да и в рукоделии знает толк.

– Стало быть, пестуешь плохо. Сколь она при тебе? Десяток лет? И с того срока ты не смогла с девицей справиться? Таковую хозяйку и слушаться не станут. Урон тебе, боярыня, вместе с тобой Настасье Петровне, а через вас обеих и мне, – пристукнул тяжелым кулаком по подоконнику. – Разумеешь ли?

– Боярин...так я... – Ульяна взгляд-то отводила.

– Люди в городище приметливые. Пойдут языками чесать, что хозяйка новая не гнушается расправу творить над сиротой. А если можно боярышню за уши таскать, то и иное разное дозволено, – говорил тихо, изуверски кривя бровь. – Может, где и бьют своих, чтоб чужие боялись, но не тут. В Порубежном всякий отпор даст и такой, что запомнится надолго.

Ульяна молчала долгонько, потом уселась на лавку под окном и вздохнула:

– Твоя правда, Вадим Алексеич. Не домysлила я.

– А я на что? – Вадим бровь рассупонил, разумел, что напугал боярыню ровно так, как надобно. – Одна голова хоро-

шо, а две лучше. Ты там доглядишь, я тут примечу. Боярско-го не уроним, уряд соблюдем.

Ульяна взглянула на Вадима, да голову к плечу склонила:
– Вон ты какой, – прищурилась, но без злобы, а с почтением. – Многих бояр видала. Иные златом кичатся, другие – славой воинской. Грудь выпячивают, гогочут, что гусаки. А ты тишком, молчком, а сам-то богат и воин, говорят, по крови. Неглупый. Не серчай, но так с виду и не скажешь, – ухмыльнулась. – Воя в тебе издалече видать, а разумного мужа – только, ежели приглядеться. Хитёр, даром, что молод. Сколь тебе? Двадцать лет и четыре годка?

Вадим на речи боярыни не ответил, но сказал иное:
– Боярышня в гридне моей, писарю помогает. Старик он, многое уж не по силам, – кивнул и ушел от окна, не стал слушать смелую тётку.

Пока шагал по сениям, разумел – будь на месте Ульяны кудрявая, трещал бы без умолку. Сам себе изумлялся, а особо тому, сколь досужих слов наговорил за два-то дня.

В гридне увидел писаря своего зловредного да Настю: сидели на лавке, шептались и заходились смехом. К ним не полез, а принялся подслушивать и подглядывать, прислонясь плечом к стене.

– Настасья Петровна, а чего ж не пошла за него? Какого женишка упустила, – дедок утирал слезы смешливые. – Будешь теперь локти кусать.

– Деда, то не я упустила, а тётенька Ульяна погнала, – сме-

ялась Настя. — Она сказывала потом, что сватать взялся по бедности. В долгах, как в шелках, за расчет домишко отдал, а потом и порешил, что у худородной боярышни деньга есть.

— Промахнулся, — дедок наново хохотать принялся. — И что, так и лежал у приступок? Сам подняться не смог? Это ж какой пузатости мужик, чтоб свое же чрево не удержать?

— Во-о-от такой, — Настасья встала и развела руки в стороны. — Дедушка, я в окошко увидала, думала померещилось. Сначала порешила, что шутник какой-то бочку на себя надел и пошел людей потешать.

— Вот ведь ушлый купчина, — дед хохотнул. — Ты, Настасья Петровна, не тревожься, сыщется для тебя жених, да такой, что все позавидуют.

— Мне позавидуют, а его пожалеют. Невелика радость такую жену в дом привести, — кудрявая вздохнула, обернулась и увидала Вадима. Застыла на миг, будто не зная — улыбаться или бежать.

— Замуж-то не рановато? — Норов вошел в гридню, насутился.

— Чего ж рано, боярин? Самый возраст, — дед чихнул. — Вот, правду говорю*.

— И какого тебе жениха надобно? — Вадим спрашивал, злобу в себе душил, сам не зная, с чего вызверился.

— Разве мне выбирать? — Настя подобрала шубейку свою облезлую с лавки и пошла к дверям. — Как тётенька скажет.

— Настасья Петровна, не робей. Ежели тёткин не по нраву

придется, я тебя на ладью подсажу. Мимо всякие женихи ходят. Хошь чернявый, хошь борода в косах. Только пальцем укажи, – смеялся писарь.

Вадим и вовсе озлобился, глянул на Никешу и бровь выгнул. Дедок поморгал чуть и голову опустил.

– Спасибо, дедушка, за посул, – Настя кивнула, а потом к боярину обернулась: – Прости, боярин, тебе, должно быть, недосуг, а тут я с пустяшными разговорами, – поклонилась и ушла.

– Никеша, услышу, что девке дурное нашептываешь, в нос суну. Разумел? – прошипел Норов.

– Девка-то поумнее тебя будет, – озлобился писарь. – Соплюха, а понимает, где шутейное, а где сурьезное. Не пугай, пуганый я.

– Перечишь? – Норов унялся, на лавку сел. – Я тебя, Никеша, самого на ладью подсажу. Вот потеха-то. Да и мне отрада. Буду в гридне своей сидеть, и никакой дедок над ухом жужжать не станет. Ради нашего с тобой приятельства, так уж и быть, позволю выбрать к кому тебя подсаживать. К бородатому иль к чернявому?

– Да хоть к кому, лишь подальше от тебя, морда изуверская, – дедок сплюнул и уткнулся в связку берёст.

Норов оперся спиной о бревенчатую стену, прикрыл глаза и... уснул. Снилось ему нелепое: уезжает кудрявая да не одна, а в обнимку с писарем. Смеются оба, пальцем на него, Норова, указывают. Ладья отваливает от мостков, за ней во-

дица речная пенится, а дед Никеша говорит, да тихо так:

– Боярин, обернулся я. На дальней заставе тихо, на ближней – еще тише. Ты просил сразу к тебе идти и обсказывать.

Вадим приоткрыл глаза и увидал возле лавки Бориску Сумятина: сапоги в грязи, брони заляпаны.

– Добро, Борис. Уготовься, в Гольяново вскоре выдвигаться. Чую, полезут в распутицу конные, пограбить захотят. Бориска, ступай в баню со мной, разговор есть.

От автора:

Вот, правду говорю- поверье. Если человек чихнул после того, как что-то сказал, значит все его слова - правда.

Глава 9

– Настасья, встала уж? Едва рассвело. Ранняя ты пташка, – тётка Ульяна вошла в ложницу. – Надо бы хозяину к празднику подарок какой-никакой. Я порешила рубаху ему вышить. С тебя узор и работа, а я справлю шелка на одежду.

– Тётенька, сделаю, – Настя обрадовалась, кинулась обнимать Ульяну. – Как хорошо ты порешила. Зину посажу рубаху метать, а сама ворот вышию. И по рукавам узор пушу.

– Ну будет, будет тебе, – ворчала тётка, обнимая Настасью. – Прилипла, не оторвешь. Ты исхудала никак? Велю Польке пироги ставить. Настя, не захворала? По такой сырости немудрено. – Ульяна заполошилась, крикнула девок, чтоб нес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.